ШКОЛЬНЫЙ РОМАН
Любит – не любит
16+
ЛЮДМИЛА КРАСИЛЬНИКОВА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

О влюбленности и ревности, дружбе и предательстве — о том, через что проходят взрослеющие дети. Действие происходит в школе.

- Людмила Красильникова
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22

Людмила Красильникова
Любит — не любит. Школьный роман

1
Появление в классе новенького

Я вынула из школьной сумки дневник и заметила на обложке пятно рядом с нарисованным солнцем, которое освещало плывущий по голубым волнам парусник. И откуда взялось? Будто замерли на бумажном небе два светила: желтое и темное — грязное. Похоже на свет и тень.

Сняв обложку, увидела, что дневник не подписан: надписи на обложке было достаточно, а без нее он стал безымянным. Взяв шариковую ручку, я аккуратно написала: «Борисовой Александры, ученицы 9 «А» класса».

— Ты еще б в конце года это сделала! — хихикнул повернувшийся ко мне Славка Антонов, сидящий впереди меня. — Вторая четверть заканчивается, а ты только сейчас надумала подписывать дневник! — сказал он, наблюдая, как я вывожу: «1979-80 учебный год».

Волосы Антонова торчали в стороны, воротничок рубашки криво топорщился. Я смяла в кулаке снятую с дневника обложку с корабликом и сунула бумажный комок в руку Антонову:

— Слава, выброси, а! Я тебе конфетку дам!

— Сама ешь свои конфеты! — буркнул он недовольно, но поднялся из-за парты.

И тут же опустился на место, потому что дверь в класс отворилась. Все притихли. В проеме появился худой большеглазый мальчишка, бледный, с непослушными волосами цвета соломы, в широком для его узких плеч костюме, а следом вошел грузный Алексей Иванович, наш добрый историк. Он ведет у нас уроки с пятого класса и с самого начала к каждому из нас стал обращаться на «Вы».

— Борисов, — сказал Алексей Иванович, кладя руку на плечо мальчика.

«Этого еще не хватало, — подумала я, ловя на себе взгляды одноклассников, — однофамилец выискался».

— Саша Борисов — наш новый ученик, ваш новый товарищ. Прошу любить и жаловать.

Новенький открыто, доверчиво, но с интересом, оглядел ребят, его глаза остановились на мне. Алексей Иванович убрал с плеча руку.

— Садитесь за парту, Саша.

«С ума можно сойти! Мало того, что Борисов, он еще и тезка. Антонов опять по-идиотски хихикает. Дурак несчастный.

Впрочем, сейчас всем смешно», — заметила я, хмуро наблюдая, как новенький смущенно усаживается именно за мою парту. Я обвела всех озлившимися глазами и уткнулась в учебник. Скоро придет Костя и избавит меня от этого заморыша. Пусть посидит рядом, порадуется.

— Итак, начнем урок, — прервал смешки и переглядывания учитель, — прошлый материал напомнит нам…

Наступила тишина, нарушаемая шелестом страниц. Авторучка в руке Алексея Ивановича скользнула вдоль столбца и вернулась к первым фамилиям.

— Антонов.

Все сразу оживились, некоторые зашептались. Антонов с удрученным видом протопал к доске. Я злорадно улыбнулась. Но тут сбоку новенький зашептал:

— А что вы проходите?

— Не знаю.

Я не собиралась с ним разговаривать и даже не посмотрела на него. Почему его в наш класс записали? Теперь все будут интересоваться: «Вы не брат и сестра?». С этой фамилией сроду себе родственничков находишь. То ли дело Костина фамилия — Осинин. Такую редко встретишь. Слава Богу, девчонок нечасто называют Александрами. По крайней мере, во всех старших классах я — единственная.

— Итак, Антонов, объясните мне все-таки, каково значение Ленских событий?

— Велико, — пробормотал тот, красный, как рак, и еще раз убежденно произнес: — Значение Ленских событий велико.

— Правильно, Слава, но почему? Какую они сыграли роль в развертывании революции?

— Большую. Они сыграли большую роль в развертывании революции.

— Может быть, Виноградов нам подскажет, какую именно роль? Не знает Виноградов… Ну, тогда Борисова.

Мне стало как-то нехорошо. Вчера я весь вечер просидела у Кости, и заглянуть в учебник — не было времени. Притом я получила пятерку в прошлый раз и потому накануне этого урока была спокойна.

Я встала, не отрывая от парты глаз. Слышно было лишь шуршание страниц.

— Так, и Борисова не знает. Может, нам Борисов ответит?

Все головы с любопытством повернулись к новенькому. Он покраснел и поднялся.

— Ленские события явились началом революционного движения. Ленин сказал: «Ленские события зажгли массы

революционным огнем».

— Вот это ответ: четкий, краткий, но исчерпывающий. Кстати, этой цитаты в учебнике нет. И то, что Борисов ее отыскал и запомнил, достойно похвалы. Садитесь, Борисов. Отлично. Начинаем новый урок: «Наш край в годы первой русской революции».

На мою парту упала записка. В ней печатными буквами было написано: «Рыбак рыбака видит издалека». Я посмотрела на оглянувшегося Антонова. Он быстро отвел глаза и сделал невозмутимое лицо. Дурак. Умного ничего придумать не может.

На перемене ко мне подошла Ира Редькина, высокая, пышноволосая, уверенная.

— Сашок, милая, не расстраивайся. Двойку тебе Иваныч все равно не поставил, я посмотрела в журнале.

И, поглядывая на моего соседа, громко зашептала:

— У Кости была? Когда же он в школу придет?

— Скоро.

Я ничего больше не сказала, хотя удивилась: я знала, что Ира вчера тоже заходила к Косте, якобы по поручению класса, он мне сам сказал. К чему притворяться? Или она хочет намекнуть новенькому, чтобы он скорее убирался с этого места?

Ирка — моя подруга. Она отличница и наш лидер по математике. Гордость класса и школы. Раньше я дружила с Верой Еременко. Она добрая, но из-за своей требовательности и ужасной честности плохо сходится с людьми. Я была ее единственной подругой. Но я не могла постоянно говорить о литературе и искусстве, а другое ее не интересовало. Ирка совсем иная. С ней можно говорить о себе. Когда я ей рассказываю о своих заботах, о Косте, на лице у нее всегда искреннее внимание, а не скука. Мне сразу стало легче: это здорово, оказывается, когда есть с кем поделиться, и тебя понимают, а не критикуют. И потом, она несомненная будущая медалистка, и все девятиклассники смотрят на нее снизу вверх. Ирка, знаю, любит меня меньше, чем, Вера, но мне с ней легко, у нее нет этих строгих глаз, и у нас общие друзья.

Может быть, я не стала бы Ириной подругой, но все получилось как-то само собой: где были мы с Костей, там был его друг Вовка Сочин, а где он — там Ира.

Вера сразу не одобрила моих новых приятелей. О Косте она сказала, что он «ничего хорошего». Это Костя-то, от которого без ума даже девчонки из других классов! А с Сочиным Вера жила по соседству еще в старом районе. По ее словам, он знал все подворотни, водил дружбу со всеми сомнительными компаниями, даже кличку имеет среди них, кажется, «Король». Воспитывался

без отца у очень умной, но постоянно перегруженной работой матери. Вот из Сочина и получился гибрид уличного и домашнего воспитания.

«При желании умеет пустить пыль в глаза, — сказала Вера, — но ты бы слышала, какими словечками он может сыпать! Бр-р… Ужасно скользкий и неприятный тип».

И хотя мне бывает грустно без Веры, я не могу прийти к ней. Ее обдирочную честность я еще как-нибудь перенесла бы, но она не потерпит моих нынешних друзей.

Ах, нет, и максимализм ее мне надоел. Вера хочет видеть меня правильной, как чертежные линии. Не хочу быть правильной, не могу поступать, как кем-то предписано. Это скучно. И почему я должна быть исключением, когда, как говорится, и на солнце есть пятна? Мне жалко Веру, но не дружить же только с ней из-за того, что она ко мне так привязалась!

2
В гостях у Кости

Домой я пошла одна. Ирка побежала в ателье: к Новому году она шьет какое-то сверхмодное платье. «Сочин будет в шоке, когда увидит меня на вечере», — уверяет она.

В спину мне ударил снежок, но я не обернулась: это опять Антонов. Под ногами хрустел снег, под белым солнцем он вспыхивал холодными звездами. Ветки деревьев были подернуты шершавым инеем, как парчой. Я шла медленно, наслаждаясь хрустальной ясностью зимнего дня, и пыталась сочинять стихи о снеге, но в голову приходили чужие строчки и избитые рифмы.

— Дивная погодка! — раздался голос Борисова.

Как только я не заметила, что он идет рядом?

— Вот организовать бы поход на лыжах! Всем классом в каникулы. Лес близко…

Разговаривать мне с ним не хотелось, но я не удержалась:

— Ты что, одиночка-энтузиаст?

— Почему одиночка? И разве для того, чтобы пойти в лес на лыжах, надо быть энтузиастом?

— Да кому это надо!

Он замолчал. Ветки деревьев, под которыми мы проходили, качнулись, и нас обсыпало маленькими снежинками.

— Как красиво! И школа у вас новая. Красивая… Есть даже компьютерный кабинет, — опять начал разговор Борисов.

— Школа, как школа, — пожала я плечами, — сейчас все такие. Типовые. И кабинеты во всех. А ты из деревенской, что ли? — я хихикнула.

— Нет, но я учился в старой школе. Она была построена еще до войны. А в войну в ней был госпиталь. Но все равно та школа — хорошая!

— Что ж ты ушел из своей хорошей школы?

— Мы переехали… — он помолчал. — Послушай, ведь мы соседи. Я тебя вчера видел. А сегодня обрадовался: в одном классе оказались!

Только сейчас я посмотрела на Борисова. Пальто на нем сидело мешковато, у потертой шапки опущены уши. Лицо бледное, продолговатое, с рыжими веснушками на носу, пухлые, немного воспаленные губы, зато глаза большие, серые и странные: в них и грусть, и настороженность, и просьба. Мне стало неловко от этих глаз.

— И все-таки здорово получилось: ты Борисова, и я Борисов.

Саши…

Он улыбался.

— Куда веселее! — я разозлилась.

— А что? Тебе не нравится имя? — не понял моей злости Борисов.

— А тебе нравится? — спросила я насмешливо: меня позабавила его непонятливость.

— Конечно! Звучное. Можно сказать, княжеское: Александр Невский. И интернациональное: Александр Македонский, Александр Дюма, Александр Пушкин…

— Да, — протянула я, — кабы к имени прикладывался ум, а то ведь есть и Шура Балаганов, тоже Александр. С ним родства не ощущаешь? Напрасно. Литература, знаешь ли, отражает типическое.

И по-клоунски растянув рот в деревянную улыбку, я повернула в Костин подъезд.

Дверь мне отворила Костина бабушка, Елизавета Матвеевна, седая, с сухими чертами лица, в безупречно чистом и уютном платье.

— Здравствуй, Шурочка, здравствуй, — запела она, — заходи, милая, заходи. Костик опять со мной ругается. Ведь что удумал, бесстыдник? Две недели с пневмонией дома сидит, а все как об стенку горох. Прихожу домой, а балкон настежь, и в комнату снег заметает. Проруби ему мало! И не слушает меня, не слушает совсем. Хоть бы ты с ним поговорила, Шурочка…

— Проходи, Саша, — в дверях комнаты стоял Костя и недовольно смотрел на разговорчивую бабушку. — Опять жалуешься?

— Вот ведь всегда так! Не слушает, ох, не слушает, — старушка любовно посмотрела на своего рослого, красивого внука.

И я подумала, что если не вслушиваться в слова, то можно подумать, она его хвалит.

Я вошла в Костину комнату. Мне безумно здесь нравилось. Ни у кого из моих знакомых не было такой роскошной, уютной и современной комнаты. Какой-то иной, красивой, скорее «киношной» жизнью веяло от стилизованной под старину стенки, отделанной шелковистой, мягко светящейся древесиной и строгими металлическими переплетами на стеклах. За стеклами — словно нетронутые книги с узорчатыми корешками, строго подобранные по цвету и формату. Костя любит порядок. На нижней полке перламутрово сиял небольшой кофейный сервиз с причудливо изогнутыми ручками чашек и кофейника. Стол у

Кости был по-настоящему старинный, с резными ножками, со всевозможными ящичками и полками, на одной из которых стоял совершенно неприметно для постороннего человека импортный магнитофон. Необыкновенно мягкий диван, красивого литья торшер и два стула довершали убранство комнаты, именно убранство, так как здесь все было настолько изысканным, безусловно редким и вероятно дорогим, все, начиная от обоев, кончая портьерами и пушистым ковром на полу, что обывательское слово «обстановка» ко всему этому никак не подходило. Единственно, от чего иногда меня коробило, это прикнопленные к стене вырезки из журналов. Но с другой стороны, эти картинки приглушали строгий порядок и рекламный эффект комнаты.

Сейчас между этими журнальными фото с женскими фигурами, личиками, конями появилась моя фотография. Я с удовольствием отметила, что портрет очень удачен.

А Костя, довольно и вопрошающе одновременно, смотрел на меня.

— Недурно? Вчера сделал. Вот еще новые фотки.

Он достал пачку фотографий. На нескольких была я. На одной — Елизавета Матвеевна. Доброе лицо старушки сморщилось от какой-то тайной обиды, и было горестно растерянным. На последней я увидела Ирку. На ее лице застыла какая-то натянутая улыбка, а глаза — жалкие, молящие.

Я удивилась:

— Когда это?

— Вчера.

— Интересно, о чем вы говорили, если она такая…

— Не помню. Она всегда такая.

Я уставилась на разукрашенную стенку.

— Как только твои родители терпят этих полуголых девиц?

Глаза Кости насмешливо сузились.

— Они у меня без предрассудков, понимают дух времени, чего не скажешь о тебе.

— Очень любезно, — мои губы скривились в полуулыбку.

— Шучу, шучу… Но как все-таки снимки?

Я не удержалась, чтобы не улыбнуться. Костя — удивительный фотограф. К нему больше подходит определение «художник». На его фотографиях давно известные улицы и пейзажи приобретают неожиданное очарование, а люди безмолвно рассказывают о себе самое сокровенное. Костя знает о своем таланте лучше других, но ему хочется лишний раз услышать от меня похвалу.

И я сказала:

— Как всегда, прекрасны. Из тебя выйдет замечательный фоторепортер.

Это его мечта — стать фоторепортером.

— Ну, уж, ты скажешь… Вот смотри, репортаж о БАМе. У Андрея, у брата, нашел. У него девушка уехала на БАМ с кем-то, он и хранит этот журнал. Давно уже.

Он открыл передо мной журнал. На снимках тайга, шпалы, веселые парни, красивые девушки.

— Отлично? Вот это агитация! Так бы и поехал, — он перевел взгляд с фотографий на меня, ожидая ответа.

Но я почему-то спросила:

— А ты бы поехал?

— Фотографировать? Конечно!

— Нет, работать. Как они.

— Вот еще! Деньги, что ли, зарабатывать? Так есть способы полегче и почище. Романтика только в журнале. И для дураков. Вообще-то, если бы платили там по полторы-две тысячи в месяц, можно было бы попылиться года два.

— Зачем тебе столько? Две тысячи! Что-то слишком… как на многодетную семью… — недоверчиво протянула я.

— Ничего не слишком. Я высчитал: мне столько надо для независимой жизни — тридцать-сорок тысяч, — и, видя мое обалдевшее от столь большой и определенной цифры лицо, Костя стал с расстановкой втолковывать. — Тридцать тысяч — это автомашина, гараж, приличная одежда и разные расходы по мелочам: диски, кассеты, кафе… А если посчитать кооперативную квартиру…

— Ну, ты как Шура Балаганов, — с ехидцей прервала я Костю, — тот тоже высчитал, сколько ему для счастья нужно. Только у тебя сумма побольше.

Меня раздосадовал его практицизм. Деньги и комфорт, конечно, нужны в жизни, но должно же быть что-то еще, более значительное.

А Костя обиженно захлопал длинными ресницами и запальчиво сказал:

— Ты думаешь, я способен поехать на эту чертову стройку, чтобы даром гнуть спину? Во имя великой идеи? Андрей ездил на БАМ. Знаешь, что такое БАМ? Покалеченная тайга. Для чего? Чтобы больше нефти за границу продавать? Японцы на маленьких островах живут, зато как! А мы… — он только махнул рукой.

Я привыкла слышать о БАМе только хвалебные слова, но с Костей сразу согласилась, может потому, что подсознательно думала так же. Меня восхитила оригинальность его мыслей, я даже не подумала, что они могут быть чужими. Костя — умный,

красивый человек, по-современному практичный. Я вспомнила Борисова, возможно потому, что тоже назвала его Балагановым. В Борисове действительно есть что-то нелепое, даже в том, что он сел на чужое место.

— А в наш класс новенький пришел, — заговорила примирительно. — Представляешь — Борисов Саша. Я чуть не поцарапала его, да жалко стало: дохленький такой, бледненький. На твое место сел. Сам. Я уж гнать его не стала. Думаю, скоро придешь… Кстати, вот домашнее задание. Сегодня по твоей милости чуть двойку не получила.

Костя молча включил магнитофон.

— Есть "острые записи"? — спросила я.

"Острыми записями" Костя называет свой "говорящий дневник". Споры, особо интересные разговоры, рассказы о "событиях жизни" он записывает на магнитофонную пленку.

— Да нет, в этом смысле ничего нового, — Костя прищурился. — Сочин приносил новые кассеты, я их переписал как раз к твоему приходу. Металлический рок. Блеск!

И мы стали слушать музыку.

3
Новые соседи

Домой я пришла вечером. Мама встретила меня со словами:

— Явилась, блудная дочь! Опять была у Кости? — и, не дожидаясь ответа, стала кому-то объяснять: — У них в классе мальчик решил стать моржом, выкупался в проруби и получил воспаление легких. Вот Сашенька к нему и заходит, помогает, чтобы не отстал от одноклассников. Они друзья, я говорю о Сашеньке и Косте. Он, мне кажется, хороший мальчик, воспитанный, отлично учится, целеустремленный, хочет поступать в МГУ на журналистику. Родители — совсем не дурные люди, и. как принято говорить, с положением…

Тут в ее голосе я уже не в первый раз, когда заходила речь о Костиных родителях, услышала скрываемую неприязнь и почувствовала, как эта едва уловимая недоброжелательная нота тревогой царапнула мое сердце, и щеки у меня вспыхнули.

А мама продолжала с сомнением:

— Отец — начальник строительного управления, мать… точно не знаю. Дом, говорят, полная чаша…

Вот именно, умные солидные люди. Почему же они не нравятся маме? Или виновата пресловутая родительская ревность? Мама видит, что я неравнодушна к Косте, и это ей неприятно, а заодно и неприятны его родители, — не в первый раз решила я. И с раздражением подумала, что лицемерие — отвратительная черта.

Я вошла в комнату. За столом сидела незнакомая женщина лет сорока. Она посмотрела на меня, и я увидела большие теплые глаза на удивительно светлом лице, рыжеватые волосы, собранные в пышный узел.

— Здравствуйте, — сказала я.

Она чуть улыбнулась и ответила:

— Здравствуйте. Вот она какая, Сашенька Борисова. Хорошенькая.

— Это Юлия Петровна, наша новая соседка. Будет преподавать в вашей школе литературу, — с какой-то особенной, сердечной улыбкой сказала мама. Она была явно очарована гостьей.

Раздался звонок. Я открыла дверь и растерялась: на пороге стоял Борисов. Он что-то буркнул и прошел мимо, а я так и осталась у дверей и лишь удивленно смотрела на его узкие плечи и торчащие лопатки, обтянутые тонким трикотажем.

— Мам, — позвал он, — тебя Ленка ждет, минут десять уже плачет. Никак не могу успокоить.

— Извините, Надежда Павловна, — прозвучал голос Юлии Петровны, — засиделась я у вас, а дел-то много, уже и внучка закапризничала. До свидания. К нам заходите. Александра пусть приходит.

И стройной походкой она вышла. Следом поплелся Борисов. Около меня он приостановился и посмотрел какими-то отстраненными глазами.

— А я, все еще ошеломленная тем, что он не только в классе будет мозолить мне глаза своим видом, а уши фамилией, но и в подъезде станет мельтешить передо мной и даже в квартиру к нам проник, сказала:

— Знаешь, Борисов, катись-ка ты за другую парту.

4
Борисов становится в классе своим

Я не удивилась, когда увидела Борисова опять за моей партой и насмешливо сказала:

— А ты не гордый.

Над моим плечом склонился Антонов и зашептал:

— Маэстро! Он не пьющий, некурящий, в будущем для тебя идеальный муж. Так сказать, без вредных привычек. И потенциальный подкаблучник. Ленина читает! А главное, — Антонов вздернул высоко правую бровь и хитро сощурил левый глаз, видимо полагая, что от этого его лицо стало многозначительным, а значит, умным, — главное, маэстро, не надо менять фамилию.

— Понимаешь, Антонов, — доверительно глядя ему в глаза, заговорила я вкрадчиво, — он не в моем вкусе. Я люблю таких, как ты: плохо подстриженных и туго соображающих. А главное… главное, маэстро, я обожаю, когда плоско шутят. Конечно же, не сами шутки, а тот идиотский вид, с которым эти перлы произносятся… Кстати, сколько минут ты заучивал мудреное слово «потенциальный»?

Антонов покраснел, что-то промычал и, потоптавшись, отошел.

Но тут передо мной прямо на парту плюхнулась Ирка, а за ней замаячил Сочин.

— Привет, Сашура, — начал он. — Есть предложение устроить у Кости небольшой файф-о- клок по случаю моего дня рождения.

— А почему у Кости? — спросила я, глядя, как Ирка чуть покачивает ногами в обалденных адидасовских кроссовках и низких пестрых гетрах.

— Естественный вопрос. Он болеет, следовательно, не сможет быть у меня, значит, не будет и тебя. А кто отмечает свое шестнадцатилетие без своих лучших друзей? Ирина предложила встретиться у Кости. Я думаю, что это рационально. Понятно, что на мне лежит забота о конфетах, пирожных, лимонаде и прочем. Мне маман вместо ежемесячной десятки дала аж тридцать карбованцев в честь годовщины. Так ты придешь?

— Когда?

— Завтра в пять, — ответила за него Ирка.

— Ну, вы скоро? — тоскливо протянул Миша Агеев, он уже минуты две стоял в проходе, переминаясь с ноги на ногу. —

Санек, дорогая, проверь у меня английский, все ли правильно сделал, — и он сунул мне под нос свою тетрадь.

— Агеев, дорогой, когда ты будешь обходиться без чужой помощи, — в тон ему начала было я, но Борисов бесцеремонно взял у меня его тетрадь.

— Хочешь, я посмотрю?

— А ты волокешь? — Агеев оживился. — По гроб буду обязан.

Агеев до восьмого класса был середнячком, но в восьмом он вдруг вышел в твердые хорошисты, чем озадачил и нас, одноклассников, и учителей. Сейчас же, в девятом, Агеев стал учиться на «4» и «5», только вот английский оставался его слабым местом.

Свое превращение из слабого ученика в сильного Агеев объяснил мне просто:

— Понял я, хватит дурака валять. Идем к концу. Нужен хороший аттестат.

И для этого он не только стал торчать над учебниками до полуночи, о чем рассказывала его мать, но и освоил всю хитроумную науку шпаргалок и подсказок. Одно другому не мешало. Ни один учитель не заловил его со шпаргалкой, хотя все ребята знали, что он ими пользуется. Он достаточно хорошо отвечал устно, чтобы у кого-нибудь из педагогов зародилось подозрение, что во время письменных работ он частенько списывает.

Миша Агеев развернул и активную общественную деятельность, благодаря чему его выбрали в комсомольское бюро школы. Вот так получилось, что за два года он стал заметной фигурой не только в классе, но и в школе.

Ирка скучно посмотрела на Агеева и Борисова, занятых английским, и спрыгнула с парты.

— Пойдем, Сочин. Сейчас звонок.

— Вот развоображалась! — услышала я шепот за спиной. — А ведь вкуса вот ни капельки нет. Мать ей выбирает все сама, вплоть до заколок. И вообще она — неряха, мать ее сама жаловалась…

Я резко обернулась и увидела, как Колчина показывает Бариновой глазами на Ирку

— Колчина, — сказал я громко, — это тебе твой изумительный вкус подсказывает такие деревенские фасоны платьев, в которых ты, как пугало огородное? Впрочем, я обижаю деревню, ведь даже там знают, что колготки время от времени надо натягивать, а не носить гармошкой, как в детском саду.

Я увидела, что лицо Колчиной стало прямо-таки вишневым, но безжалостно продолжала:

— Может, ты к Сочину неравнодушна, поэтому и злишься на Редькину, наговариваешь на нее, а? Сочин, посмотри на эту высохшую от любви и ревности девицу! Костлява, конечно, но ведь это от глубокой симпатии-с…

Колчина затравленно посмотрела по сторонам, она словно забыла, где выход, и сейчас, растерянная, пыталась его найти, а может, искала поддержку хоть в чьих-то глазах. Но все молчали. Кто-то был шокирован моей выходкой, кто-то обескуражен, но большинство ребят вообще не могли понять, из-за чего разгорелся сыр-бор. Глаза Колчиной метались считанные секунды, наконец, наткнулись на дверь. Она издала какой-то хлюпающий звук, и, дважды споткнувшись о поставленные в проходе между партами сумки, едва не упав, неловко выбежала из класса под пронзительное улюлюканье школьного звонка.

— Ну, маэстро, вот это змея! — восхищенно протянул Антонов.

— Как тебе не стыдно, Борисова?! — гневно обратилась ко мне Вера Еременко и, оббежав всех глазами, сказала: — Нужно классное собрание, — и замолчала: на пороге стояла англичанка — Зоя Ивановна.

— Гуд афтэнун! — сказала та, с любопытством оглядывая возбужденные лица, и добавила: — Я не помешаю? Кстати, был звонок.

Тут покраснела Еременко и пробормотала:

— Ай эм сорри…

Англичанка начала урок с опроса домашнего задания и первым спросила Агеева. Он отбарабанил упражнение без единой ошибки, хотя с ужасным произношением. И все же англичанка было явно довольна. Она покивала, сказала «вэлл», потом «клэвэ бой» и наконец, торжественно провозгласила оценку «файф» — пять.

Агеев уселся с невозмутимым видом, но через некоторое время повернул к Борисову голову, подмигнул и, сжав кулак, поднял большой палец вверх. Значит, это Борисов успел исправить Агеевские ошибки, и пятерку заработал он, а не Миша.

Я поняла, что с сегодняшнего дня Борисов перестал быть в классе чужим. Отныне ему будут покровительствовать Агеев и его друзья. Наш класс, как, вероятно, и другие, делится на группы и группочки, в каждой из которых есть лидер. Обычно каждый новенький попадает в ту или иную компанию. Это определяет его положение в классе, так как есть группы элитарные: с ними считаются ребята, их выделяют учителя, а есть другие, над которыми одноклассники посмеиваются, а учителя, вздыхая, ставят тройки. То, что Борисов попал к друзьям Агеева, сразу

поставило его ближе к элите.

После урока Еременко, все еще возмущенная, стала требовать, чтобы я извинилась перед Колчиной.

— Вера, — у меня презрительно передернулись плечи, — ни за что. Пусть не сплетничает! Я понимаю, ей завидно, но зачем людей-то чернить? Слушать противно: «вкуса нет», «неряха», — передразнила я, зло сбрасывая учебники в сумку, жикнула молнией и уставила хмурые глаза на Веру. — Так она всех нас оболжет. Ты этого хочешь? Я права. Да, стопроцентно права и извиняться перед ней не буду. Надо расправляться со сплетниками. Пусть она извиняется перед теми, о ком сплетничает!

5
Джинсы как мечта

Что же подарить Сочину? Денег у родителей я стараюсь просить пореже, потому что с «монетами» (Костино слово!) у нас почти всегда проблемы.

И тут я вспомнила о сумке, которую сама задумала, сделала выкройку и почти уже сшила.

Я решила пошить ее после того, как наткнулась на выкройки спортивных сумок в одном из старых номеров «Работницы». Там в качестве материала предлагалась джинсовая ткань, сами же модели были уже устаревшие, хотя и красивые. Меня не только удивила, но и заинтересовала возможность самой сшить не какой-то примитивный мешок под продукты, а что-то модное, спортивное, и на свой вкус: объемную, стеганую, на длинных ручках, с разными карманами и молниями, и обязательно яркую, нарядную сумку.

Не знаю, решилась бы я на такой пошив, если б не занятия в УПК — учебно- производственном комбинате.

Раз в неделю мы приходим туда работать и слушать теоретические лекции. Мы, девочки, шьем детскую одежду. Не знаю, кому как, а мне нравится. Я получаю настоящее удовольствие, работая над нарядным платьицем или оригинальным костюмчиком, тем более, здесь установлены хорошие швейные машины, такие, как на фабрике. И приятно то, что модели для пошива часто меняются, и комбинат выделяет нам красивые ткани. Я б, наверное, не смогла полгода шить одно и то же, да еще из какого-нибудь тусклого материала.

Но самое удивительное то, что наши изделия идут в продажу. Недавно я собственными глазами видела, как в магазине продавали платьишки, пошитые нами. Было очень даже приятно наблюдать, как люди охотно их покупают.

Я не собираюсь быть портнихой, но кому из женщин помешает умение красиво шить? Поэтому к работе в УПК я отношусь серьезно.

Мастер разрешила нам оставаться после работы на полчаса, чтобы шить что-нибудь для себя. Я взялась за сумку. И сейчас осталось вшить только большую молнию и пришить фестивальную эмблему, которую шелковыми нитками вышила моя мама.

Сумка получилась по высшему классу. Даже мастер перечертила мою выкройку. Она же помогла мне сделать

красивую строчку в особо ответственных местах. Именно эту сумку я и решила подарить Сочину. Она спортивная, значит, ее может носить и девушка, и юноша. Завтра, во время занятия в УПК, я вошью молнию — и подарок готов.

Приняв такое решение, я повеселела и побежала к Косте.

В комнате у него негромко играла музыка: Тото Кутуньо чуть глуховатым голосом повторял: «серенада». Сам Костя в белой футболке с английскими буквами показался мне по-южному смуглым.

— Чем ты занимаешься? — спросила я, вновь удивляясь строгой красоте его лица, глубине темных глаз, силе плеч и рук. Так бывало всегда: казалось, помню до малейшей черточки его лицо, знаю наизусть движения губ, выражение глаз, но стоило увидеть Костю наяву, как я вдруг понимала, что все мои мысленные образы бледны и бедны.

— Уроками, мисс, — Костя шутливо поклонился, видно было, что он рад моему приходу.

— А магнитофон тебе не мешает?

— Ты же знаешь: это обычный звуковой фон.

На столе у Кости, помимо учебников и тетрадей, я заметила полиэтиленовый пакет с джинсами. Сквозь прозрачную упаковку виден был темно-синий цвет фирменной джинсовки и четкий рисунок шелковых строчек.

— А это что? Где ты их достал? — спросила я, трогая пакет.

Костя хитро на меня взглянул и гордо сказал:

— «Супер Райфл»!

Он быстро вынул брюки из пакета, развернул их и ткнул пальцем в наклейку, потом его пальцы пробежали по бляхам и заклепкам. Затем Костя побежал за спичками, чтобы показать, какого высокого качества его новые штаны, потому что, если спичка синеет, когда ею потрешь о джинсовку, значит, материал высшего качества, без липы.

Брюки удивляли обилием карманов: украшенные золотистыми молниями, они были не только сзади и спереди, но и на коленях. По бокам от передних карманов спускались джинсовые ремни, придающие одежде не только оригинальный вид, но и дерзкий.

Восхищенная, я стала просить Костю:

— Примерь, а? Ну, примерь, я посмотрю на тебя.

Тут он сразу поскучнел, бросил джинсы на диван и уселся за стол.

— Они мне не подходят, сорок четвертый размер… А нужен сорок шестой. Обидно: экстра-класс и не для нас, — тут он

встрепенулся и внимательно посмотрел на меня. — Слушай, Сашка, примерь ты.

— Да ты что? — забормотала я, чувствуя, как моему лицу стало жарко, оно явно стало наливаться краской. — Да как я? И потом, они мне плохо будут… Не подойдут.

— Давай, давай! А я пойду, чай поставлю, мама купила конфеты «белочка», — сказал Костя уже из-за двери.

Решив не надевать брюки — вдруг в них буду плохо выглядеть? — я села на диван, а джинсы отодвинула, но соблазн был слишком велик, и через несколько минут, задрав клетчатую широкую юбку, стала быстро натягивать брюки. Только успела застегнуть молнию, как в дверь послышался стук, и снаружи Костин голос галантно произнес:

— Девушка, к вам можно?

Я мигом опустила юбку, и она до колен закрыла мои ноги, одетые в заграничный наряд.

— Костя, заходи, но демонстрации мод не будет до тех пор, пока я сама, естественно, без тебя, не осмотрю себя в большое зеркало, — я натянуто улыбнулась. — Вдруг мне узко или широко? Не хочу быть смешной в твоих глазах. Лучше посмеюсь одна. У тебя тут нет подходящего трюмо. Я пойду в прихожую. А ты побудь здесь, я тебя позову.

Выйдя в прихожую, заглянула через открытую дверь в гостиную, которая в начале нашей дружбы поражала меня особым изыском и роскошью, и никого там не увидела. Кухня тоже одиноко сверкала голубизной кафеля и шкафов. Поэтому, повернувшись к зеркальной стене в прихожей, я со спокойным сердцем опять подняла юбку и стала себя разглядывать со всех сторон. Отражение меня успокоило. В фирменных джинсах я выглядела особо подтянутой, спортивной, немного мальчишкой, но очень хорошенькой. Еще несколько раз прокрутившись перед зеркалом, позвала Костю.

Не успел он удивиться, увидев меня опять в юбке, как я щелкнула молнией, и юбка пестрым кольцом упала к моим ногам, а я, оставшись в джинсах и тонком акриловом свитерочке, положила руки на бедра, вскинула голову и стала медленно поворачиваться вокруг себя.

Костя несколько минут молчал, а потом заторопился:

— Вот это здорово! Да они сшиты для тебя. Но тебе нельзя выходить в них на улицу: к тебе все будут липнуть, а я свихнусь от ревности. Точно. Но надо же! Как для тебя. А ты красавица! Определенно.

Вдруг металлически щелкнул замок, я повернулась к входной двери и увидела на пороге Костину маму — Эвелину Леонтьевну.

Она любезно кивнула в мою сторону. Ревнивым оценивающим взглядом охватила меня, понимающе усмехнулась и сказала:

— Здравствуй, Александра. Красавица… Как мама себя чувствует?

— Хорошо, — я сразу словно замерзла.

— Мы ведь с ней в юности подругами были. А как… папа?

— Спасибо. Тоже неплохо.

Я всегда робела перед Костиными родственниками и знакомыми, особенно неуютно чувствовала себя в присутствии его мамы. Меня чрезвычайно восхищала ее красота. Статная, медлительная, она одевалась исключительно модно и дорого, но с редким чувством меры. Ни в одной остромодной вещи Эвелина Леонтьевна не выглядела смешной, как иногда бывает с некоторыми модницами. Что бы она ни надела, все смотрелось органичным, естественным на ней. И я завидовала ее умению выбрать из каждого нового направления моды именно то, что больше всего ей подходит, благодаря чему казалось, что мода создается специально для нее. Легкая, коротко остриженная, всегда элегантная и современная, с красивым и бестрепетным лицом кинозвезды, она мне казалась инопланетянкой.

Правда, я иногда задумывалась, как много времени и денег нужно для того, чтобы постоянно быть в струе моды, потом я отталкивала эти мысли, снова и снова решая, что Костина мама — человек особой породы, и ей наверняка достается все без лишних усилий.

Наблюдая, как Костя помогает своей маме снимать шубу, я вдруг глянула под ноги и увидела свою юбку, унижающе простенькую, сиротливо лежащую на полу. Быстро наклонившись, схватила ее и смяла в руках, не зная, куда спрятать. Глядя на серебристое воздушное платье Костиной мамы, подумала, что эта квартира с ее хозяевами сразу обесценивает все, что я имею. Здесь я вижу, что строчка на моем манжете кривит, складка у юбки неправильно отглажена, материал очень дешевый. И мне нестерпимо захотелось одеваться так же потрясающе, как Эвелина Леонтьевна.

Потом, пока Костя ходил за чаем, я быстро переоделась, аккуратно сложила джинсы и уложила их в пакет.

Костя вошел с черным, изукрашенным цветами подносом, на котором стояли причудливые чашки и такой же чайничек.

— Чай цейлонский, конфеты твои любимые, — сказал Костя, разливая напиток, и, помолчав, продолжил: — Вообще, я даже рад, что джинсы мне не подошли. Мне бы родители все равно их не купили. Вчера они взяли спортивный костюм «Адидас» и фирменные кроссовки. Да и потом, я беру много денег у них на

фотобумагу, пленки и прочее. Знаешь, есть поговорка: «Хочешь разорить своего друга, купи ему фотоаппарат»…

— А сколько стоят джинсы? Ты где их взял? — встревожилась я почему-то.

— Ты что, не знаешь «черные цены»? Сто пятьдесят, — Костя сказал это легко, словно такие деньги ничего не значат.

— Сто пятьдесят! Но ведь и джинсы уже не так ценятся, как раньше…

— Правильно. Раньше они стоили двести пятьдесят. На прилавках они не лежат. Правда, время от времени стали появляться в магазинах, но примитивные, хоть и импортные, а цена — сто рублей. А эти — в молниях, карманах, ремнях — блеск! Вообще-то смотри… Но цена бросовая. Неужели твой папа, кандидат наук, откажется купить дочери такие великолепные джинсы, переплатив всего полсотни? Глупенькая ты, — Костя стал говорить со мной, как с ребенком, — забирай их и неси домой. Там наденешь, пройдешься перед матерью с отцом, и все будет о'кей. А взял я их у друзей Андрея, там они кому-то не подошли. Вот сто пятьдесят требуется отдать или джинсы вернуть.

— У меня мама строгая, — замямлила я.

— Родители не согласятся — принесешь назад, — уговаривал меня Костя. — Да я заработаю тебе потом пятьдесят. Ты ведь знаешь, я летом стольник сделал. Мне хочется, чтобы ты смотрелась красиво…

Летом Костя действительно заработал сто рублей. Во дворах фотографировал маленьких детей, предварительно договорившись с их мамами. Фотографии он делал отличные, и родители малышек без сожаления платили ему по четыре рубля. Эти деньги здорово нам пригодились. На них он водил нас в кино, покупал мороженое и пирожное, на них мы брали напрокат палатку и вместе с Сочиным и Иркой ездили на озеро. Мы ходили даже в кафе, и Костя, как Монте-Кристо, оплачивал наши расходы.

Костя вообще любит блеснуть, быть первым. Для меня он и был первым. У нас редко возникали споры, и больше пятнадцати минут я не могла противиться его доводам. Так и в этот раз. Я согласилась взять джинсы, тем более, в нашем классе только у Кости и у Иры были такие стоящие фирменные брюки. Мне хотелось во всем быть если не первой, как Костя, то в числе первых. Я взяла джинсы и заспешила домой, чтобы убедить родителей дать мне сто пятьдесят рублей.

6
Разговор с мамой об одежде, коммерции и расчете

Я быстро, без лифта, поднялась на свой четвертый этаж и открыла дверь. Хотела незаметно прошмыгнуть в спальню, быстро надеть джинсы, потом важно прошествовать перед мамой, и уж потом сказать о деньгах.

Но едва я вошла домой, как мама, услышав стук двери, выглянула в прихожую:

— Дочура? Ты что так раскраснелась? Опять бегом, словно лифта не существует?

— Мама, ты же знаешь, я им никогда не пользуюсь. Не хочу дряхлеть раньше времени. Вон в Алма-Ате есть специальная «лестница здоровья» в семьсот ступеней, то есть обыкновенная лестница, только длинная, — я говорила, а сама прятала за спиной пакет, надеясь, что, махнув рукой на мою болтовню, мама уйдет на кухню, и я осуществлю свой план. — Но любая подъездная лестница ничем не хуже алма-атинской, если по ней почаще подниматься без помощи лифта. Ты послушай радио: сейчас ратуют за местные курорты, а ведь подъездные лестницы — это местные «лестницы здоровья». Вверх-вниз, вверх-вниз, укрепляй ноги…

— Что у тебя там за спиной?

Да, мою маму разговорами не проведешь. Я положила джинсы и нарочито медленно стала снимать зимнее пальто. Мама взяла пакет, повертела в руках и вопросительно посмотрела на меня.

— Это мне дали примерить, — я старалась говорить равнодушно.

— То есть, как примерить? Такие вещи направо-налево не раздают, они денег стоят.

Мама у меня человек приземленный и со своей житейской философией попадает сразу в точку.

Я взяла из ее рук джинсы и сказала деланно безразличным голосом:

— Разумеется, стоят. Если они мне подойдут, они будут стоить для нас денег.

— Любопытно… — глаза у мамы стали колюче насмешливыми, так бывало всегда, когда я не к месту проявляла свою взрослость.

А я невозмутимо прошла в комнату и перед зеркалом на глазах у мамы, стараясь казаться чинной, стала натягивать на себя джинсы.

Когда я увидела их на Костином столе, они вызвали у меня обычный для моих сверстников интерес к популярной дефицитной вещи, который, как правило, исчерпывается словами: «Ого! Где отхватил? Клево!» и вялым желанием заиметь такую же: «Не плохо бы так же вырядиться… Но если нет, где возьмешь? Не умирать же». Никогда я не испытывала особой зависти. Сейчас же, когда возможность обладать модными брюками стало реальной, меня полностью захватило стремление оставить их у себя. Мне казалось, от того, будут ли джинсы моими или нет, зависит все: моя красота, а значит, и наша с Костей дружба, любовь, моя судьба, наконец, и мое счастье. Я смотрела на себя в зеркало глазами чужих, посторонних людей. Ах, какая красивая девушка! И фигура ничего, и лицом хороша. Эффектная…

В этих брюках я почувствовала себя великолепной, недоступной для других гордячкой, современной, независимой, раскованной. Я покачивала бедрами, поворачиваясь спиной, крутила задом, сгибала ноги, неотрывно наблюдая за собой в зеркало. Наклейка на штанах, бляха с иностранными буквами производили совершенно особое впечатление, как билет в общество избранных. Я действительно ощутила превосходство над Верой Еременко, Агеевым, над всеми другими, кто не одевается так современно, модно и дорого, как оделась я. Расстаться с джинсами я уже не могла.

— Долго будет длиться это представление? — вывел меня из состояния самолюбования мамин голос.

Я остолбенела: так насмешливо он звучал.

— Тебе что, не нравится?

— Почему же? Не дурно… Но не стоит так упиваться тряпкой.

— Что ты говоришь? Какие-то глупости… Это — тряпка?! Ты посмотри, какая фирма! Таких ни у кого в нашем дворе нет, да и в школе тоже!

— Но сама-то ты лучше от этих штанов не стала…

— Да ты что? Ты посмотри, как они мне идут! Как они подчеркивают мою фигуру, — я готова была закатить истерику, спалить все свои наряды (такие нищие!) в знак протеста, даже отказаться от родства, лишь бы защитить свое право на джинсы.

Если еще в разговоре с Костей я понимала, что недопустимо требовать от родителей такой дорогой покупки, то сейчас я была убеждена, что они просто обязаны купить мне ставшую столь необходимой вещь. Разве я часто обращаюсь с такой просьбой? Да я никогда ничего не прошу, лишь денег на кино и подобные

мелочи. У Ирки к каждому школьному вечеру новое платье, а у меня все одно и то же…

— Мама, да ты посмотри, какие джинсы. Их же нигде не купить. Ведь у нас все в классе так одеты. Я одна, как кикимора, хожу, — принялась хитрить я.

— Ты только что говорила, что во всей школе нет таких штанов…

— Ну, есть, но мало… В основном, простые сторублевые. А таких, с карманами на коленках, с молниями — нет. Они мне нравятся. Прямо ужасно. Купим? Всего сто пятьдесят.

— Сколько? — растерянно спросила мама.

— Сто пятьдесят. Сама понимаешь, я их принесла не из магазина. Какой дурак продаст дешевле? — проговорила я хмуро, внутренне готовясь к охам, ахам, возражениям, к возмущению, но решила не отступать.

— Та-ак, — протянула мама.

Лицо ее было растерянно-недоуменным; такое, наверное, бывает у человека, который вдруг осознает, что обманут. Она взяла в ладони мое лицо и внимательно посмотрела мне в глаза, хотя я и старалась отвести их сторону.

— Доченька, — сказала мама устало, — сейчас сними эти штаны… Да не вспыхивай: я дам тебе сто пятьдесят, если ты не раздумаешь. Просто я хочу поговорить с тобой как с дочерью, а не с манекеном.

Подождав меня, она продолжила:

— Сашенька, я понимаю, у тебя такой возраст. Тебе кажется, ты недостаточно красива. О том, что ты умна, незнакомые люди могут не догадаться… Чтобы красота была полной, чтобы быть заметной, тебе и нужны эти штаны. Ты хочешь быть индивидуальностью, не шлифуя ум и душу, а меняя одежду. Так поступают пустые люди…

Я хотела возразить: «Необходимость красивой одежды понимают и умные люди, и даже наверняка больше, чем «пустые», но мама говорила тихо, словно раздумывая, и я сдержалась.

— Ты посмотри, какие у тебя глубокие умные глаза, какие синие… Да, ты не просто красивая девочка, ты — умница. Как же вышло, что ты согласилась набить карман какому-то спекулянту? Деньги даются трудом, а ты хочешь бросить их какому-то лодырю. А ведь эти любители дармовых денег посмеиваются над теми, кто честно трудится. Не только посмеиваются, но и считают себя выше. Работа, мол, дураков любит. А то, что неработавшие обезьяны таковыми остались, они это забывают.

— Да ну, мама, — махнула я рукой, — от тяжелой работы скорее станешь похожей на обезьяну. Спекулянтов много, и они

недурно выглядят.

— Много, — согласилась мама, все более потухая лицом. — Много и тех, кто душу разменивает на тряпки. Я тебе не рассказывала: в институте была у меня подруга, симпатичная, способная. Чуть-чуть бы ей постараться, и она получила бы диплом с отличием, может, до профессора бы потом дотянула. Но у нее была страсть не к науке, а к нарядам и деньгам. Вышла замуж по расчету за пятидесятилетнего известного в городе хирурга.

— Ну, такое случается! — опять перебила я маму, не обращая внимания на ее волнение. — Каждый устраивает свою жизнь по-своему. Папа рассказывал, у них в институте студентка вышла замуж за старого профессора. Тоже, кажется, пятьдесят лет. Или больше. И какой-то местный писатель, говорят, женился на молоденькой.

— Ты это одобряешь? — ошеломленно спросила мама.

— Кому от этого плохо? — Пожала я плечами. — Только им самим.

— Не только. Из-за Евы, из-за моей подруги, чуть человек не погиб. Юноша, который ее любил, и которого она вроде бы тоже любила. Узнав о свадьбе Евы, он едва не покончил с собой…

— Как? — встрепенулась я, крайне заинтересованная.

Глядя на своих родителей и их сверстников, родителей моих друзей, я не могла представить даже то, что они были такими же юными, как мы. А уж то, что они любили, ревновали, страдали, вообще не укладывалось в моей голове. Мне казалось, что все появилось впервые с нами: с Костей и со мной — любовь и нежность, а раньше ничего такого не было, разве только в книгах.

Я попросила:

— Мама, расскажи об этом.

— Да что рассказывать? Это был честный, умный молодой человек из нашего же института, но с другого факультета. Очень порядочный. Он и Ева дружили около года, и вдруг она неожиданно вышла замуж. Всех друзей и родственников поставила, как говорится, перед фактом. Заранее не сказала, видимо, чтобы не отговаривали. Свадьбы не было. Какая свадьба, если у жениха дети старше невесты? Зато она сразу стала состоятельной дамой. У хирурга оказалась богато обставленная трехкомнатная квартира в центре города, дача, «Волга», гараж, деньги. О замужестве Евы все мы, ее друзья, узнали через неделю после регистрации. Влюбленный молодой человек пришел домой, выпил снотворное, открыл, не зажигая, газ и лег. Чтобы больше не встать. Хорошо, его мама раньше с работы пришла. «У меня, — рассказывала, — сердце заныло. Болит и болит — не могу

работать. Вот чувствую, дома что-то неладно. Отпросилась у начальника и бегом…».

— Что с ним стало потом?

— Перемучился. Тут главное — перестрадать, выдержать. А потом жизнь возьмет свое. Жизнь — удивительная вещь… Если она и бьет, то и лечит. Студент через некоторое время женился. На другой, конечно. У него родилась дочь, которую он безгранично любит.

— А она, Ева?

— Она четыре года прожила со своим хирургом. Он умер от инфаркта, хотя с виду был сильным человеком. Она судилась, дралась с его детьми из-за каждой тряпки и чашки. Хотела оставить за собой квартиру, но в ней была прописана еще и дочь хирурга с внуком. Юрист предложил квартиру разменять, но это никого не устраивало. В конце концов, от Евы откупились деньгами. Через год она снова вышла замуж. За начальника большого строительства… Знаешь, что она говорила до своих свадеб? «Больше всего хочу красиво одеваться. При моей внешности это просто необходимо: у бриллианта должна быть соответствующая оправа…» И еще: «Не хочу считать рубли. Выгадывать, как бы взять что-то подешевле. Хочу запросто покупать все, что мне захочется». И она ценой своей совести, молодости и любви получила право покупать самые модные дорогие вещи, — мама вдруг лукаво улыбнулась. — Хочешь посмотреть на эти вещи?

— Конечно!

Мама подошла в кладовке и вытащила оттуда большой мешок.

— Сегодня решила навести порядок на антресолях и нашла вот эту старую одежду. Смотри: вот кримпленовый брючный костюм. В свое время очень дефицитная модная вещь… У Евы такой появился года на три раньше, чем у меня, когда еще и не знали, как называется эта ткань. Тебе нравится? — мама затаила в глазах насмешку.

— Да ну, тряпки какие-то, — я была совершенно разочарована.

— Любовь дороже? — улыбнулась мама.

— Ну, ты сравниваешь!

— Так и твои желанные джинсы через год-два, появившись в достаточном количестве на прилавках, покажутся тебе непривлекательными. Ведь еще весной ты мечтала о новой вельветовой юбке. В магазине появился вельвет любого качества и цвета, и тебе юбка стала не нужна.

— Ну, что ты мама говоришь? То вельвет, а то — джинсы.

Понимаешь? Штатовские! И разве целый год ходить модно одетой — мало?!

— Значит, тебе все-таки нужно сто пятьдесят рублей? Хорошо, — лицо мамы стало жестким. — Сто рублей я отложила себе на новые зимние сапоги, пятьдесят пойду займу у соседей… Пойти сейчас или ты еще подумаешь?

— Подумаю, — буркнула я недовольно.

Было ясно, что мама испытывает меня. Как часто с иронией и раздражением, которые прятала от самой себя, я наблюдала, как меня воспитывают в школе и дома. Но сейчас мне было не смешно. Я понимала, если настою на покупке, мама останется без сапог. Специально всю зиму будет ходить в залатанной обуви, чтобы я мучилась сознанием вины. Хотя почему специально? Свободных денег в доме действительно нет. И откуда им быть? Мама — искусствовед с мизерной зарплатой (так говорят знакомые родителей), папа только недавно стал кандидатом наук. Да и кандидаты получают невеликие деньги. Как-то мы еще на «Запорожец» наскребли… Помню, каждый рубль считали. А джинсами сейчас никого не удивишь. Приелись.

И как только я решила, что джинсы — вещь банальная, мне сразу стало легче, а о том, что они мне идут, я старалась не думать.

Из кухни доносилось фырканье крана и стук: мама мыла посуду. Она повернула ко мне тусклое лицо и устало спросила:

— Что, доченька, надумала?

— Отнесу джинсы. Не нужны они мне, — хмуро ответила я, невольно затем вздохнув, и неожиданно для самой себя добавила: — Почему вы с папой мало зарабатываете? Плохо работаете?

— С чего ты взяла? — растерялась мама, жалко помолчала под моим нахальным взглядом и нетвердо сказала: — Мы хорошо работаем. Просто мы честные люди.

— Понятно, вы не там работаете.

— Я куплю тебе эти штаны, — закаменевшим голосом сказала она. — Сегодня точно такие я видела в нашем магазине. В том, который через дорогу.

— Как? Свободно? — спросила я, но себя не услышала.

— В общем-то, да… Извини, что сразу не сказала.

— Сколько они стоят? — вырвался ненужный вопрос.

— Сто.

— Ладно, пойду, — проговорила я непослушными губами и потом уже в дверь крикнула сорвано: — Не вздумай их купить! Все равно не надену.

— Неужели отказали? — удивился Костя, увидев в моих

руках пакет. — Ну и родители — кремень!

— Де… денег нет, — ответила я, пристально-вопрошающе глядя в его красивое, чуть снисходительное лицо и чувствуя тонкое нытье в груди. Я смотрела, нет ли лжи в его прекрасных глазах, не дрогнут ли совестливо гордые губы. Смотрела с тайным страхом и надеждой, что никогда не увижу дорогое лицо фальшивым.

— Что с тобой? Ты заболела или тебя ругали? — встревожено спросил Костя и, схватив меня за руку, втянул в квартиру и захлопнул дверь. Он стал расстегивать на мне пальто, словно забыв об импортном пакете. Но руки мои, как-то трудно согнувшись, сами сунули ему эту упаковку. Он взял, не глядя, и бросил на телефонный столик. «Так бросают свою вещь» — подумалось мне.

— Что с тобой? — повторил он, вешая на плечики мое пальто. — Ты будто деревянная. Даже шарф не наделала! Проходи. У меня Андрей с невестой. Да, да, он женится. И знаешь, кто она? — Костя склонился к моему уху. — Дочь начальника областного управления торговли. Вот отхватил! Да? На свадьбу ее родители обещают подарить молодым «жигули».

«А другие достоинства у нее есть? — хотела поехидничать я, но промолчала, потому что все вокруг стало вдруг неприятно. И даже на Костю смотреть не хотелось. Я подумала, что и про джинсы ничего выяснять не надо. Костя вполне мог сам решиться спекульнуть на мне. Продавал же Сочин втридорога модные диски, и мы это знали и мало осуждали. Уйти надо, уйти.

Я резко повернулась и оказалась лицом к лицу с Андреем. Костин брат взял меня под локоть и со словами: "Александра, Александра, до неприличия рад тебя видеть…» — повел в комнату.

Мне очень нравился Андрей, такой обаятельный, общительный, все на свете знающий, с острым взглядом и насмешливой улыбкой. Мне ужасно льстило его обращение ко мне на равных, несмотря на его серьезный возраст (почти 30 лет!), поэтому я, только что мечтающая бегстве, послушно пошла с ним.

На диване сидела узкая девушка с торчащими углами плеч, локтей, коленок. На голове — бедная растительность взбита расческой. Но тонкое лицо, хотя изрядно испорченное лишней косметикой, приятно. Она протянула мне свою голубоватую руку и как-то беспокойно улыбнулась.

— Знакомьтесь, — сказал Андрей. — Нина, а это одноклассница Кости — Александра. Она оказывает на моего двоюродного братишку очень положительное влияние.

Пожимая бледную руку, я отметила, что эта девушка удивительно похожа на тонкие образы Модильяни. Ее застенчивость, столь явная в застылости позы и беспокойной улыбке, победила во мне возникшую от Костиных слов неприязнь. Глядя на нее, я, как ни странно, определила, что это очень хороший человек.

И все же какой-то бесенок подскочил во мне и шепнул: «Измазана-то как! Или редко красится, поэтому не умеет, или дура! И лет ей не меньше двадцати пяти. В таком возрасте застенчивость — явный признак закомплексованности».

Но мысль о том, что Андрей женится на «жигулях» пропала: если Нина симпатична мне, почему она не может нравиться другим?

Устраиваясь поудобнее в кресле, я быстро взглянула на Костю, чтобы угадать его впечатление от Нины. Но он ни на кого не смотрел, а стоял у магнитофона, щелкая кнопками, и лицо его было явно расстроенным. У меня сердце упало, и мысли сразу перескочили на джинсы. Ведь это из-за них, точнее, из-за меня, он расстроен. Я пришла, надутая, как мышь на крупу. А почему я решила, что это Костя спекулирует? Сам пойти в магазин он не мог, он болеет, и откуда у него такие деньги? Без сомнения, кто-то из знакомых предложил Косте эти джинсы. Как я могла его заподозрить!? Я его этим оскорбила. Мне стало холодно: а вдруг он понял? Костя ни за что не простит, никогда. Сразу представилось, как он равнодушно проходит мимо меня в школе.

Я смотрела на смуглый профиль, глянцевые, чуть вьющиеся волосы, а он не обращал на меня внимания. Чувство бесконечного несчастья охватило меня, и я готова была умереть от любви. Мир представился в руинах, и не было слов, которыми я могла бы вернуть оскорбленного мной и потерянного для меня Костю.

— Александра, что с тобой? — пробился через мои испуганные мысли голос Андрея. — Я уже несколько раз спросил, как у тебя дела, и придешь ли ты на свадьбу, но ты молчишь, будто в рот воды набрала. Мало того, — Андрей улыбнулся, — тебя, словно и нет с нами. Похоже, душа твоя выпорхнула из тела, полетала среди звезд, а сейчас, судя по твоему очнувшемуся виду, возвратилась.

Застигнутая врасплох, я переспросила

— Дела?

Но Костя поспешно перебил:

— Что за вопросы? У Саши прекрасные дела. Но она устала. Мне даже кажется, ей нездоровится…

Я вновь взглянула на обеспокоенного Костю и подумала, что если сейчас спросить Андрея про джинсы, все может проясниться.

Но я отогнала коварную мысль и даже закусила губу, чтобы случайно не вылетели предательские слова. Все молчали, и мне молчать было уже неприлично. Бросив растерянный взгляд на Костю, я вымолвила:

— Да, у меня что-то болит голова. Вы уж меня извините. Я сегодня неудобная гостья.

Этими словами я надеялась оправдать свое не совсем уместное молчание и извиниться перед Костей за взбалмошный приход.

Он понял, улыбнулся, включил тихую музыку и положил мне на колени альбом Кановы. Костя знает мои вкусы. Совершенно успокоенная и счастливая его вниманием, я принялась листать глянцевитые листы, вдыхая запах типографской печати. Перемучившаяся, я лишь слегка ловила разговор о предстоящей свадьбе, а каком-то «балдежном» вине, которое должна достать Эвелина Леонтьевна. Тонко пахло экзотическими духами, ясно улыбалась Нина, смеялся Андрей, иногда он останавливал на мне задиристый взгляд. И в один из таких моментов мне пришла в голову бесстыдная мысль: если бы я раньше не влюбилась в Костю, я влюбилась бы в Андрея.

7
Школьное мероприятие

По дороге в УПК меня догнал Агеев.

— Привет, Борисова! Спешишь?

— Ты догадливый.

— А то, что сегодня лотерея мира, ты помнишь?

— Какая? — не сообразила сразу я.

— Здорово живешь! В фонд мира. Ты комсорг? Или чуть-чуть запамятовала? — поехидничал Мишка. И ведь нашел же словечко!

— Комсорг, — обреченно согласилась я.

— Вот и действуй! Организуй наших комсомолок в школу после УПК. Между сменами проведем розыгрыш. Сегодня с утра подшефные пионеры будут распространять билеты. Вообще ты, Борисова, пренебрегаешь доверием ребят, — с важной укоризной произнес Агеев. — Тебя выбрали комсоргом, а ты плюешь на этот факт, пассивна, как рядовой комсомолец, даже более того… Я тебя пока не трогаю. Но если класс возмутится, я защитить тебя не смогу, да и не буду. Имей в виду. А ведь скоро нам характеристики начнут писать. Полтора года осталось до окончания школы, можно и постараться. Ну, я пошел. — Агеев махнул рукой и повернул в сторону.

Там я увидела Борисова. "Друзья", — скривилась я.

Рабочее время пролетело быстро. Мастер показала нам новую модель для грудных детей — кокетливую кофточку с двумя рядами кружев и атласным бантиком. Все мы играли когда-то в куклы, поэтому нам нравится возиться с такими маленькими прелестными вещицами. Сначала мы настраивали свои машины, а потом работа заторопилась. Одна группа девочек кроила, другая — строчила ткань, третья — пристрачивала кружавчики.

В перерыве я собрала всех девчонок и напомнила им о лотерее. Многие скисли, но все согласились быть в школе. Только одна Ирка стала причитать:

— Мне некогда! Понимаете, некогда…

— Всем некогда, — оборвала ее Вера. — Почему мы должны идти, а ты нет? Два-три часа отдать, чтобы помочь делу мира может каждый.

— Сомневаюсь, что эта дур… — Ирка споткнулась и благоразумно закончила, — что это поможет делу мира.

— Стыдно, — начала было Вера.

Но Ирка, сверкнув глазами, выпалила:

— А вот не стыдно! Мне… мне к зубному надо, у меня

пломба вылетела.

Для убедительности Ирка открыла рот и ткнула туда пальцем.

— Вот, — сказала она с открытым ртом, и у нее получилось, как «он».

— Ну, девочки, ну, милые, ну, дорогие, — заюлила она, — отпустите. Вот вам два рубля на целых двадцать билетов. Выигрыши ваши.

— Мы-то тут причем? — пожала плечами Светка Дымова. — Явку будут учителя контролировать.

Я села за швейную машину и стала осторожно вшивать молнию в сумку, которую решила подарить Сочину. Я очень боялась скривить: неровная строчка разом испортила бы мой труд.

Но передо мной замаячила Ирка.

— Сашунек, я уйду, ага? Скажи Алексею Ивановичу, что у меня зуб болит. Я же тебе еще вчера про пломбу говорила.

— Что-то не помню

— Значит, хотела сказать. Ты комсорг, отпусти. Деньги я отдала.

— Ладно, не приходи. Без тебя обойдемся. Лечи свой зуб. А к Косте-то ты успеешь?

Я закончила строчить и с удовольствием рассматривала свое изделие.

— Должна успеть, — весело ответила Ирка и отпорхнула от моего стола.

Между раздевалкой и столовой дежурные десятиклассники установили стол, на котором лежали самодельные лотерейные билеты и стоял круглый аквариум, наполненный скрученными бумажками, на внутренней стороне которых были написаны номера билетов. Рядом со столом высился шкаф со стеклянными дверцами. Обычно в нем хранились спортивные кубки и грамоты, полученные учениками нашей школы. Сейчас в этом шкафу разместились плюшевые медведи, лохматые собаки, котята, зайцы, строгие гравюры, ажурные салфетки, глиняные фигурки. Почти все это было сделано руками ребят в различных кружках и на уроках труда и должно было пойти в качестве выигрышей в «лотерее мира».

Вера Еременко и Света Дымова, готовая смеяться кстати и некстати, заменили за столом подшефных шестиклашек и продолжали бойкую торговлю билетами. Место выбрали удачно: здесь перебывали все ученики школы, и билеты расходились хорошо. Поддерживать дисциплину помогали дежурные учащиеся. Мы еще раз прошли по этажам и кабинетам, чтобы

напомнить ребятам о цели нашей лотереи.

К двум часам в вестибюле стало тесно от ребят, желавших посмотреть, как будет разыгрываться лотерея. Ровно в два часа первоклассница, в белом фартучке и с пышными бантами в кудрявых волосах, начала перемешивать в аквариуме закрученные в трубочки билеты и доставать их по одному. Вера Еременко разворачивала бумажки и показывала их близко стоящим ребятам, затем уже вслух объявляла номер выигрышного билета и показывала сам выигрыш. Если рядом находился владелец этого билета, он протискивался к столу и получал выигранную вещь. Приготовленные в шкафу предметы разыгрывались по очереди, и полтретьего шкаф опустел.

Агеев подсчитал вырученные деньги: всего набралось 228 рублей.

8
День рождения Сочина

В четвертом часу я была дома. Мигом скинула форму и влетела в ванную, освобождая на ходу волосы от заколок. Закрыв их купальной шапочкой, встала под душ. Теплые тугие струи, щекотно покалывая, ударяли в плечи, оббегали тело, согревая его и смывая легкую усталость и раздражение, накопившиеся за день. Смыв душистый шампунь, я выскочила из ванны и завернулась в махровый халат. Перед зеркалом досуха вытерлась, сняла шапочку и, тряхнув волосами, внимательно посмотрела на себя.

Смотреться в зеркало — одно из приятнейших занятий. Иногда я понимаю несчастного самовлюбленного Нарцисса. Но в этот день долго торчать у зеркала было некогда. Быстро надела романтичное синее платье с вышивкой по плечам, юбкой годе и широкими рукавами на манжете. В этом наряде я чувствовала себя блоковской девушкой, медлительной, с плавными движениями и загадочным взглядом. Наклонившись вперед, прочесала волосы от затылка ко лбу и откачнула голову назад. Пышными светлыми волнами волосы упали на плечи, опушили шею. Слегка смазав ресницы касторовым маслом и похлопав влажной зубной щеткой по губам, я сделала свое лицо более ярким, не потеряв при этом естественности.

К Косте я вошла, когда не было еще четырех. Надеясь опередить всех, хотела хоть пять минут побыть с ним наедине, счастливо посмотреть в его чудесные глаза.

Но мне никак не удавалось поймать его взгляд: Костя то снимал с меня пальто, то подошел к замолчавшему проигрывателю, бросив на ходу:

— А я ждал тебя в два. Сейчас и Сочин придет… Почему ты поздно?

— А! Проводили «лотерею мира».

— Нельзя было улизнуть?

— Это же непорядочно. Все придут, а я…

Костя оторвался от перебираемых дисков и на этот раз посмотрел мне прямо в глаза:

— Ты, Борисова, — ходячий словарь устаревших понятий.

— Порядочность никогда не устареет, — тихо возразила я.

— О себе надо думать. О себе!

— Но я же комсорг…

Моей спине вдруг стало холодно. Я резко обернулась и оцарапалась о недобрый взгляд, но в следующий миг, увидев, что

смотрящая на меня девушка довольно приветливо улыбнулась, я подумала: «Померещилось». И только, когда она вошла в комнату, узнала Ирку.

Бедные доверчивые учителя! Видели бы они в этот момент эту скромницу, гордость школы. На ее лице не было живого места: все было замазано, запудрено. Перламутрово отливали веки, мохнатились от туши ресницы, тронутые темной помадой губы довольно кривились от явного осознания Иркой собственного великолепия и взрослости. Она действительно была бесподобна: круто завитые волосы удивительно преобразили ее в красавицу. Костюм из бархатного трикотажа на молниях и кнопках высоко открывал длинные ноги в темных рельефных колготках. Ирка выглядела модно, спортивно и слишком по-взрослому.

Чтобы так расфуфыриться, надо было провозиться часа три, да еще с посторонней помощью. Значит, зубная боль и пломба — эфир, и ни в какую поликлинику ей не надо было идти.

— А ты хитра! — покачала я головой. — Вот не знала, что можно так убедительно врать.

Она самодовольно кивнула великолепной головой:

— Да, здорово я разыграла вас!

Иркино бесстыдство фальшивым звуком поразило меня: ее уличили во лжи, а она вместо смущения и стыда полна гордости.

— Между прочим, врать нехорошо… — сказала я неуверенно, сбитая Иркиной беззастенчивостью.

Но разве ее наставишь на путь истинный!

Ирку словно прорвало:

— Ты, Борисова, прямо-таки смешна. Я, вообще, тебя не понимаю. Порой ты человек человеком, а иногда, как мораль ходячая. Недаром ты дружила с этой потенциальной старой девой — Еременко, вот и набралась от нее всякой чуши о порядочности. Мне же надо было приготовиться к нашему вечеру. Я не маленькая девочка, чтобы прийти на день рождения с косичками и чисто вымытым личиком, — она выразительно посмотрела на мое, нетронутое косметикой лицо. — Кто бы меня отпустил, если бы я сказала, что мне надо накрутиться и накраситься? Конечно, я бы сама ушла, но к чему конфликты? Так спокойнее и достойнее. В начальных классах веришь, что ложь — порок, а, вырастая, понимаешь, что умелая ложь — это выгодное дело. Мы же не машины, чтобы быть раз и навсегда верными заложенной информации. Впрочем, и самообучающиеся ЭВМ быстро поняли бы пользу лжи. И вообще, почему ложь во имя других — благо, а во имя себя — порок? Чем я хуже других? Ничем? Вот именно. Поэтому я и дипломатничаю. Но ты, Санек, до этого не

доросла, — агрессивное раздражение в Иркином голосе сменилось насмешливой жалостью. — Вот ты со своей честностью успела, поди, только умыться да причесаться, а я, между прочим, здесь уже полчаса.

— Помолчи, Редькина, а то уши от тебя болят, — грубо оборвал ее Костя.

Ирка смолкла и как-то надломилась: плечи вдруг ссутулились, руки упали, апломба, как не бывало.

А я с удивлением посмотрела на сузившиеся, совсем черные Костины глаза. Никогда он не позволял себе грубости. Резок бывал, но не груб. И странно, что самолюбивая Ирка так покорно снесла его выпад. Я не успела додумать свои мысли: с полными пакетами появился Сочин.

— Салют компании! — заявил он, с порога потрясая сумками. — Вот помотался по магазинам, опоздал. А вы, я вижу, все в сборе.

— Привет именинник! — полуобнял Сочина за плечи Костя.

Ирка подскочила и чмокнула вошедшего в щеку.

Настроение у меня была испорченное, я подошла к Сочину, протянула руку и кисло проговорила:

— Поздравляю.

Глаза Сочина, невольно скользнув по мне и Ирке, ярче заблестели: он явно был доволен эффектным видом своей подруги. Ирка опять победно засияла накрашенными глазами.

Удивительно быстро освоившись в этой квартире, она, дефилируя из кухни в гостиную, взялась накрывать стол. Руки ее ловко и правильно расставляли тарелки, хрусталь, бокалы, вилки, ножи. Костя с Сочиным были на кухне. До меня доносились их веселые голоса, стук ножа, шипение масла на сковороде.

Я украдкой жадно разглядывала Ирку, впервые подмечая, что у нее легкая спортивная походка, наверняка лучше моей, что все в ее фигуре ладно, красиво. Ну и что, что на лице у нее жирная пористая кожа, вон как умело она ее запудрила! Ирка определенно красива. Если это увидела я, то Костя это тем более знает. И уж конечно, он нас сравнил. Меня мучила ревность. Терзал стыд за мою, как мне стало казаться, невзрачную, скромную внешность. Еще недавно я с удовольствием рассматривала себя в зеркало, находя очень привлекательной. «Дура, — ругала я себя сейчас. — Хороша я, хороша… Ничего хорошего! Самодовольная дура. Смотри теперь, какими бывают по-настоящему красивые люди».

Мне хотелось уйти. Я чувствовала себя самым последним на земле человеком, самым нескладным, неуклюжим, никому не нужным, лишней — среди прекрасных.

Замигали разноцветные огни — это Костя включил светомузыку.

— Друзья, к столу! — сказал он громко. — Отметим счастливый день, подаривший нам замечательного человека — Сочина Владимира.

Тут Ирка схватилась за свою элегантную сумочку и почти пропела, сунув Сочину дорогой одеколон «Командор»:

— Вовочка, вот тебе мой подарок.

Костя тоже протянул сверток Сочину:

— Это от нас с Сашей, — неожиданно для меня произнес он.

— Спасибо вам всем. Но право, это лишнее, — замямлил ради приличия Сочин. Видно было, что он ждал подарков, и был доволен, что не ошибся.

Он развернул пакет и вынул оттуда две ярких модных футболки.

Я благодарно посмотрела на Костю, после «Командора» мне неловко было дарить самодельную сумку. Я напугалась, что она, может, не столь хороша, как я думаю.

За окном быстро темнело: декабрьский день короток. В комнате понемногу густели тени, пугаемые бликами разноцветных ламп. Свет мозаично добился в пузатых бокалах. Аппетитно пахло тушеное мясо, жирно блестела копченая колбаса, пересыпанная зеленым горошком, лоснилась сельдь в кружочках лука. Видимо, к принесенным Сочиным продуктам Костя присоединил часть запасов из своего холодильника. Все получилось по высшему классу, но настроение у меня было на нуле.

Мы выпили по фруктовому фраппе из мороженого, ягодного сиропа, минералки и взбитых сливок за здоровье Сочина. Затем по ананасовому коктейлю (ананасы в лимонаде, Сочин назвал это словом «коблер») — за хозяина.

Ирка сидела напротив, спиной к вспыхивающему свету. Гибкой соломинкой она помешивала коктейль. Потемневшие глаза ее скользили от Сочина к Косте, от Кости ко мне, губы кривились от неопределенной улыбки. И хотя мне хотелось уйти, я ни за что не смогла бы оставить Костю и Ирку, такую похорошевшую, Ирку и Костю, даже если с ними будет Сочин, потому что в Костиной грубости в ее адрес и в ее бессловесной реакции было что-то тревожащее меня.

— Саша, попробуй мясо. Это я готовил. Оцени! — слегка наклонился ко мне Костя.

— Я знаю, что ты все делаешь чудесно, — ответила я и прямо посмотрела на него.

Его глаза были полны отраженного света бегущих огней.

Серьезные и внимательные, бесконечно дорогие глаза. Мое сердце вдруг отяжелело от нежности.

Словно угадав мое настроение, Костя произнес:

— Пойдем, потанцуем.

Бережно полуобнял меня, и мы медленно заскользили в такт музыке.

— Сашенька, оставь у меня свою сумку, — зашептал Костя, от волос и его дыхания моему уху стало щекотно. — Ведь ты хотела подарить ее Володьке? Оставь мне, у меня от тебя ничего нет, кроме фотографий.

«И еще сердца», — добавила я мысленно, а вслух произнесла:

— О чем речь, Костя! Мне будет очень приятно… Тебе правда понравилось?

— Очень, — ответил он с улыбкой.

— Май френдз! — напыщенно обратился ко всем Сочин, — Может, сотворим пунша пламень голубой? А то тянем сиропную водичку… Константин, ты говорил, твоя уважаемая маман принесла какое-то дефицитное вино для твоего кузена?

— А что? Давайте, — с задором сказала Ирка.

— Может, ты еще закуришь? — ехидно спросила я, отказываясь с ней соглашаться.

— Могу! — ответила она с пренебрежительным вызовом. — Только «Салем» или «Мальборо».

Она щелкнула выключателем, и комнату залил хрустальный свет. Завитая, накрашенная, в бархате, она не хотела сидеть в потемках. Гордо вскинув голову, комфортно устроилась в кресле и положила ногу на ногу. И без того короткая юбка ее задралась совсем высоко, полностью открывая ноги, обтянутые узорчатыми колготками. Она чувствовала себя сверхсовременной и независимой. Но мне она была неприятна. А может, во мне говорила зависть?

Я с досадой посмотрела на ребят. Костя возился с только что принесенной яркой бутылкой. А Сочин провел цепляющимся взглядом по Иркиным ногам, и у меня появилось такое чувство, будто вслух сказали пошлость.

Вино разлили в резные хрустальные стаканчики. Но я свой отодвинула подальше и отошла к окну.

— Напрасно, — с тонкой улыбкой вкрадчиво заметил Сочин.

— Борисова у нас из общества трезвости, — хихикнула Ирка, разом хлебнула налитое вино и, поперхнувшись, потянулась за конфетами.

— А ты подала идею, — разозлилась я. — Непременно запишусь в такое общество, чтобы воспитывать подобных тебе дур.

У Ирки то ли от вина, то ли от моих слов щеки пошли пятнами.

— Ум короток, чтобы воспитывать, — процедила она с неожиданной для меня ненавистью.

Костя подошел ко мне и шепнул:

— Перестань. Не обижай Сочина. Его день.

На меня пахнуло ликерным запахом.

— Ты тоже хочешь предложить мне выпить? — раздраженно спросила я.

— Ну, немножечко…

— Это слишком! Я принципиально против всяких выпивок, — заявила я, удивляясь своему невесть откуда взявшемуся занудству и ужасаясь от того, что могу таким образом оттолкнуть от себя Костю. Но согласиться со своими друзьями в этот вечер я не могла, это значило согласиться с Иркой.

Налив себе еще и выпив, подошел Сочин, сжал мои руки и, самонадеянно пронизывая меня заблестевшими глазами, сказал:

— Дорогая наша максималистка, сколько замечательных слов написано о вине…

— Замечательные слова пишутся на трезвую голову, — прервала я его.

Бес противоречия, вселившийся в меня, судя по упрямству, был бараном.

Сочин налил в глубокий фужер вина, добавил немного минеральной воды, бросил туда же три ломтика мороженого ананаса и полученную смесь стал тянуть через соломинку.

— Ой, дай попробовать! — попросила Ирка и, закатив глаза, стал цедить коктейль через ту же соломинку. — Сейчас бы ароматную сигарету…

— Сей момент!

И Сочин протянул ей распечатанную пачку «Мальборо».

— А ты, Константин, закуришь? — спросил он.

— Меня рак легких не прельщает, — как-то серьезно ответил Костя: видимо, он боялся со мной рассориться.

Он поставил пластинку любимого мной Кутуньо.

Ирка отставила опустевший фужер и воскликнула:

— Белый танец!

Ленивой походкой подошла она к Косте и жеманно пригласила танцевать. Обхватив его шею длинными руками, Ирка уткнулась ему в плечо. Мне она показалась пьяненькой.

Сочин налил себе еще вина, добавил чуть сока и сел в низкое кресло, потягивая коктейль. Я заметила, что бутылка почти пуста. Узкими глазами Сочин наблюдал за Иркой. Перехватив мой взгляд, он тонко усмехнулся.

— Мы — культурные люди, — сказал он, поднимая сверкающий фужер, — умеем вкусно и красиво есть, пить, да и жить… Вино нас интересует как пикантная добавка к удовольствию, а не цель. За тебя, Сашура!

Кончился танец, и Ирка, чуть качнувшись, села на ручку кресла, в котором сидел Сочин, но он тут же поднялся, и она неловко сползла в пузатую мягкость сиденья. Лицо ее было красно и грубо, глаза неестественно блестели. Кнопка чуть выше груди расстегнулась, открыв кружевную белизну прозрачного белья. Тонкая золотая цепочка, неровно спускающаяся с шеи к груди, придавала какую-то трогательность открывшемуся телу.

Стоя у окна, я видела, как, опять мешая что-то в бокале, Сочин тягуче смотрел на свою подругу. Глаза его остановились на стройной шее, затем скользнули в мыс распахнутого ворота, приоткрывающего грудь. Костя тоже искоса взглянул на Ирку.

— Застегнись хоть, супергерл! — прикрикнула я на нее и отвернулась к окну.

Тысячеглазыми великанами смотрели в темноту типовые дома-коробки. Вдоль них торопливо шли редкие люди. С шумом у подъезда остановилась легковая машина. Я подумала, как ночь все однообразит! Эту машину можно было принять за нашу, только наша не стала бы здесь останавливаться. Минут через пять из машины вышла стройная женщина. «А вот она, — подумалось мне, — похожа на Эвелину Леонтьевну».

— А не пора ли нам честь знать? — повернулась я ко всем и встретилась глазами с Костей.

9
Неожиданное окончание праздника

Ирка подхватила под руки меня и Сочина. На нее напало уныние. Она шла, вяло шаркая ногами, и хныкала:

— Мне нехорошо… Меня не любят… Почему я так несчастна? Вот ты, Сашка, не лучше меня ни капельки. Почему же ты лучше? У меня голова кружится… Вовочка, у меня сердце болит, понимаешь? Нет, ты чувствуешь только, когда у тебя зубы болят… Прости, прости… Вовочка, я люблю тебя безумно. Но мне так нехорошо… — потом она с чувством запела:

— Пусть плещет вино! Я пью, все мне мало, уж пьяною стала, и кружится зала…

Мы дошли до моего подъезда.

— До завтра! — махнула я и попросила Сочина: — Проводи ее.

— Чао! — картинно поднял руку Сочин.

Поднявшись на лестничную площадку, я машинально посмотрела в окно. Сочин, взяв Ирку под руку, шел к дому напротив, мимо детского сада.

«Чудаки! Им еще гулять хочется, — подумала я. — Ведь Ирка живет в стороне».

Но они шли не медленно, как бывает на прогулке. Причем, мне показалось, что Сочин шел немного впереди, а Ирка отставала.

Я стала подниматься по лестнице, но ноги сами ступали все медленнее. Наконец, я остановилась. Мои мысли никак не могли оформиться:

«Там живет Сочин. Они идут к его дому. Зачем? Почему он не отвел ее домой? И как нехорошо он на нее смотрел… Ирке сейчас море по колено, он понимает. Что я придумала? Глупо. Они просто гуляют. Нет. Слишком целенаправленно гуляют. Интересно, в какую смену работает его мать?»

То, что мне пришло в голову, было чудовищно и никак не могло быть правдой. Я почувствовала к себе презрение за мелькнувшую нелепую мысль, как к человеку, у которого на уме одни непристойности.

Но словно кто-то чужой вселился в меня. «Скорее, скорее, догони их, — твердил он мне, — ну что тебе стоит? На всякий случай».

Я повернула от своей двери и сначала медленно, но все больше ускоряя шаги, стала спускаться вниз, стыдя себя и ругая

за позорную мнительность, не веря себе и веря им, легкомысленно идущим в темноте подышать морозным воздухом. Но где-то далеко волчком вертелась напугавшая меня мысль, и как бы я не оттирала ее, забивая почти вслух сказанными укоризненными и гневными словами, эта мысль гнала меня вдогонку ушедшей паре. Добежав до Сочинского подъезда, я повернула назад и несколько раз оббежала детский садик, опять пошла к подъезду и быстрым шагом прошла вдоль всего дома, оглядывая скамейки. Только хотела бежать к Иркиному дому, как остановилась и, кляня на чем свет стоит свою глупую подозрительную натуру, помчалась в подъезд Сочина.

Я взлетела к нему на этаж, по привычке забыв о лифте, и уже не дышала, а хватала ртом воздух, почти не выталкивая его назад. За дверью было тихо. Я осторожно постучала, но опять услышала лишь свое загнанное дыхание. Тогда я принялась звонить и стучать, мысленно издеваясь над собой: «Вот сейчас как откроет его мать, что ты запоешь? Ах, простите, этакая невинная мыслишка пришла в мою голову, подумала, ваш сынок приволок к себе подругу на сон грядущий».

— Кто там? — спросил хриплый голос, явно не Сочинский.

Но ведь в квартире живут только двое: Сочин и его мать. Значит, за дверью Сочин. Или нет? Конечно, нет.

— Откройте, пожалуйста, — попросила я.

— Поздно, — ответил чуть прочистившийся голос.

Обалдев от собственной наглости, я стала барабанить в дверь:

— Вовка, открой немедленно, я сейчас милицию вызову, родителям Иры позвоню. Под статью подведу, — почти орала я, все больше удивляясь своей вздорности, тому, что несу подобную ахинею, а в голове засело: «Как я опозорилась! Еще и Костя узнает, какой я скандал устроила, да еще на трезвую голову. Ужас!»

Но щелкнул замок, и в открытой двери появился Сочин в одних джинсах, без рубашки. Он смотрел на меня, как на привидение: столько удивления, испуга и растерянности было у него на лице, но была и злость.

— Чего тебе надо? — прошипел он.

— Иру Редькину, — заявила я громко, совершенно уверенная и в том, что она давно спит у себя дома, и в том, что Сочин окончательно сочтет меня сумасшедшей.

— Выследила, дура? Ну, заходи, — Сочин резко дернул дверь, от чего она распахнулась настежь.

А я, еще не совсем поняв смысла его слов, отпрянула назад и осевшим голосом сказала:

— Я закричу, весь дом разбужу. Выведи Редькину немедленно, я ее до дома доведу.

Тут из чуть освещенной комнаты показалась Ирка. Кнопки на кофте были неправильно застегнуты, от чего одна половина наряда казалась длиннее другой. Юбка едва держалась, но колготки были в порядке: ровным узором обтягивали они ноги, аж до бедер приоткрытые расстегнутой юбкой.

— Что вы расшумелись? — капризно поинтересовалась Ирка.

Я смотрела на ее безмятежное лицо, невинно вопрошающие глаза и не находила слов.

— Забирай свою идиотку, — кивнул на нее Сочин, — в целости и сохранности.

— Почему идиотка? — хлопнула размазанными глазами Ирка и погрозила пальцем. — Не надо меня обижать! Ты сам меня позвал на кофе.

— Одевайся, давай, да застегнись правильно, а то твоя мать в обморок хлопнется, — злость и страх совсем исчезли из его голоса, на их место пришла насмешливость.

— Сам застегивал… голуба моя, — упрекнула Ирка.

— После того, как ты расстегнула. Как меня от тебя тошнит!

— А почему ты врешь? — слабо возмутилась Ирка.

— Заходи, наконец, — нервно обратился ко мне Сочин, — а то неприлично через порог разговаривать. Да и соседи слышат.

— Ничего, мне и здесь хорошо, — ответила я, наблюдая, как Ирка старается застегнуть сапоги.

— Ну, как хочешь!

Он натянул ей на голову лисью шапку, помог надеть пальто, приговаривая:

— Пить надо меньше, голубушка…

— Вот нахал! Сам напоил девчонку, — вступилась я за Ирку.

— Не в рот же лил. Сама должна понимать. Такие дуры думают, что бокал вина и сигарета их украшают. Нахлебаются, а потом лезут к парням без разбора.

— Ага, — согласилась я ехидно, — это она к тебе полезла. На кофе позвала, рубашку с тебя стянула.

— Не ко мне, а к Осинину. На твоих же глазах. И на моих. Не знаю, как тебе, а мне было тошно. Так что скажи спасибо, что у меня ее нашла, а не у него… в постели. Она к этому уже готова, если еще там не побывала… Если появятся сомнения в ее целомудрии, виноватого ищите в другом месте.

Он попал в самую точку. Я будто наяву увидела, как Ирка вела себя у Кости, и злое презрение к Сочину у меня исчезло, хотя от последних слов стало больно. И вообще я чувствовала себя так, словно только что во мне была широкая клокочущая река,

могучая в своем течении — и вот она высохла. Я ощущала усталость и пустоту. Даже любовь к Косте, постоянно лелеемая мной, вдруг потухла, оставив какое-то подобие обиды.

Сочин, слегка подтолкнув Ирку, выставил ее за порог и сказал:

— Гуд бай! — и уже в затылок нам каким-то разжиженным голосом добавил: — А жаль, Борисова, что тебя не напоили. Самый обольстительный предмет — пьяная девушка… воск в горячих руках.

И громко захлопнул дверь.

Ирку я сдала с рук на руки ее родителям.

10
Ночной разговор

Я знала, что мама будет недовольна моим поздним возвращением, поэтому осторожно вставила ключ в замочную скважину и медленно, чтобы было как можно тише, стала поворачивать его. Почти не надеясь на успех, я думала неслышно проскользнуть в свою комнату, мигом переодеться и сесть за математику.

Но не успела до конца повернуть ключ, как металлически перестукнул замок, и я оказалась лицом к лицу с мамой. Крайне встревоженная, она стала укорять меня:

— Разве можно так долго пропадать? Уж и не знала, что думать. Кажется, вдруг пошла гулять, да под машину. Хотела к Осининым пойти. Но ты сама знаешь, как было бы неловко.

— С нее все, как с гуся вода, — буркнул появившийся отец. — Совсем о матери не беспокоится.

— Мамочка, прости меня! — чмокнула я маму в щеку. — Поверь, я не хотела этого. Так получилось.

— Надо же, как все просто! — проворчал отец.

Заниматься я не стала: никак не могла сосредоточиться. Тогда выключив свет, юркнула в постель. Но сон все не шел. Я ворочалась с боку на бок, несколько раз перекидывала подушку, а перед глазами стояли Костя и Ирка. Слава богу, мама не успела пойти к нему. Представить страшно, что бы он подумал!

Но вот голова стала тяжелеть. Дремота мягко проникла в меня. Вдруг кто-то отчетливо сказал мне на ухо «Ева».

Я встрепенулась. Никого не было, в смежной комнате горел свет. Разговаривали родители.

— Я не позволю ей дружить с этим мальчишкой! — глухо бился голос отца. — Не позволю!

— Ты не прав, Сережа, — страдальчески возразила мама. — Мы не вправе запретить нашей дочери дружить с Костей, тем более это не дружба, а любовь, первая, самая ранимая…

— Вот именно! У нее-то любовь, а у него? Неужели ты всерьез допускаешь, что сын Евы может кого-то любить?

— Не знаю… — закачался мамин шепот. — Но запретить нельзя, невозможно… Запрети — она научится лгать, изворачиваться, но встречаться с Костей будет. Она его любит.

— Что ты заладила: любит, любит! Зелена еще! А ты ее поощряешь! Любовь! Ерунда какая-то…

— Не тебе так говорить Сережа… Или ты забыл, как тебя

отхаживали после отравления? Помню, как мне тебя было жалко!

— Так ты из-за жалости за меня пошла?

— Наверное, не только, — голос потеплел, — а тебе, значит, не все равно?

Вместо ответа отец глухо сказал:

— Племянник Евы нашел выгодную невесту.

— Андрей? Откуда новости?

— Возле института меня остановила Ева. Попросила довезти ее до дома. У ее мужа трения с ОБХСС. Зная о моих знакомствах, она, как ни странно, рассчитывала на мою помощь в этом деле. Смешно, право. Я отказался… Да и что бы я мог? Смешно… Она и сказала про Андрея. Похвасталась. Андрей, мол, парень видный, невест вокруг него много, потому и выбрал не сразу. Берет в жены дочь директора торга не столько из-за обещанной машины, сколько из-за московской квартиры, где живет престарелая тетка невесты. Молодая пара сможет после свадьбы прописаться в столице… Ты хочешь, чтобы и к нашей дочери подошли с таким мерилом? Представь, как над ней посмеются в этой семье, и это в лучшем случае. В самом лучшем. А так, раздавят… Интересно, сколько надо наворовать, чтобы оказаться этой семейке по вкусу? А мы с тобой никогда чужой копейки не брали, и начинать, я думаю, нам не стоит, — в голосе папы тонкой горечью проскользнула насмешка.

— Что ты говоришь, Сережа! — тихо воскликнула мама. — И разве я довольна дружбой Саши с Костей? Но что мы можем сделать? Все так сложно! С Сашенькой даже разговаривать трудно… Для меня ее любовь, как детская болезнь. Болеть вместо своего ребенка еще никому не удавалось. Бог даст, как пережили ее детские хвори, переживем ее детскую любовь. Вместе с ней, но не за нее.

— Ты еще молитву прочитай! — недовольно произнес отец.

— «Бог даст», — говорила моя бабушка. Она-то знала, что не все в руках человека…

Раздались тихие шаги. Мама заглянула в мою комнату, и я до боли зажмурила глаза.

— Спит, — прошептала она, закрыв дверь. Не надо паниковать. Лучше довериться времени… Но я так за нее боюсь, хоть плачь!

Ночь не безмолвна: она полна вибрационного жужжания холодильника, шороха автомобильных шин за окном, гудения самолета, одинокого лая собаки. Но в этот раз словно звуконепроницаемая завеса накрыла меня: я лежала, оглушенная услышанным.

Проснувшись утром, не могла сообразить, то ли мне

приснился разговор родителей, то ли он происходил на самом деле. Мне очень хотелось, чтобы это оказалось сном, но для сна все было слишком логично, а ведь любой сон хоть чуточку бывает нелеп. Но разве не нелепость все, что говорилось об Осининых?

— Мама, — встала я на пороге соседней комнаты, — почему вы вчера легли поздно спать?

— С чего ты взяла? — отозвалась мама, рассматривая какую-то книгу.

— Мне показалось.

— Тебе, наверное, приснилось, — она оторвала взгляд от страницы и пытливо посмотрела на меня.

— Мама, а какое сокращенное имя от Эвелины?

— Я думаю, Лина, — помолчав, предположила она, вновь утыкаясь глазами в книгу.

— А может, Ева?

— Вряд ли. Тогда скорее, Эва. Знаешь, была актриса Эва Киви.

— А когда ты была подругой Эвелины Леонтьевны, ты как ее называла?

— Разве мы были подругами? — недоуменно подняла брови мама.

— Она сама мне сказала, — возразила я.

— Ну, она явно преувеличила, — мама удивленно покачала головой. — Ты же знаешь всех моих подруг. Ты лучше в школу поторапливайся. Кстати, обязательно сходи в картинную галерею, там выставка древнерусских икон. Есть редкие вещи. Скажи о выставке Вере, хотя она-то не пропустит… Удивительная девочка! Тонкая, умная душа. Просто счастье — иметь такого друга.

— Это как сказать! — ответила я раздраженно. — Здесь тоже есть две стороны. У этой умницы не хватает ума понять других людей, только на искусство хватает.

— Это она тебя не понимает? — с любопытством спросила мама.

— И меня тоже.

Маме очень нравится Вера, в которой она нашла родственную натуру. И она уже не в первый раз нахваливает мне ее, но всякий раз во мне срабатывает пружина противодействия, и с языка срываются несправедливые слова.

11
Урок географии

Я шла в школу, вспоминая ночной разговор, вновь и вновь сомневаясь в услышанном. Но правда, не ясная для меня в кусочках, слишком легко сходилась с тем, что я узнала ночью, так подходят друг к другу тщательно подобранные части единого целого. Тут все связывалось: и всегдашняя мамина неприязнь к Осининым, и ее рассказ о Еве, и, наконец, разговор родителей, и слова Эвелины Леонтьевны о дружбе с моей мамой, даже наша машина, остановившаяся около подъезда Осининых. Только я не могла понять, о каком отравлении отца вспоминала мама.

«Ладно, — решила я, — пусть Осинины плохие, пусть ими занимается ОБХСС, потому что действительно, даже на высокую зарплату не купить такого богатства, пусть Андрей женится на московской прописке, но Костя-то тут причем? О нем даже мои родители ничего плохого не сказали. Он же не виноват, что его родители — нечестные, а двоюродный брат — расчетлив. Я Костю люблю, а не его родных.

Но что-то мешало мне успокоиться, словно чуть ноющая заноза. И я вспомнила джинсы, но тут же поспешила привести в равновесие свою мятущуюся душу, рассудив: даже если эти злополучные джинсы принадлежали Косте, что страшного в том, что он хотел продать их подороже? Многие так делают. Было бы странно, если бы он такую прекрасную вещь продавал за госцену. Может, ему очень нужны были деньги, а попросить в долг у кого-нибудь он постеснялся. Кроме того, я была абсолютно уверена, что эти полсотни пошли бы на нашу компанию. Почему Костя один должен тратиться?

Меня нагнала запыхавшаяся Ирка. Въедаясь в меня глазами, она выпытывающе спросила:

— Ты никому не говорила?

— О чем? — спросила я, хотя прекрасно поняла, что она имела в виду, но она мучила меня вчера, и мне хотелось хоть чуть-чуть ей отомстить.

— Не притворяйся! — зло выпалила Ирка.

Мне стало интересно, какими словами она объяснит вчерашнее, и я пожала плечами, притворившись дурочкой, хотя Иркин вопрос оскорбил меня, и мне так и хотелось сказать: «По себе, что ли, судишь?».

— Сашок, ты же знаешь о чем я говорю, — и тон у нее из злого перелился в елейный. — Я вела себя глупо. Напилась

коктейлей. Даже сегодня голова болит. Но ведь ты никому не расскажешь, да? Да? — она схватила меня за руку и посмотрела побито прямо в глаза. — Ты никому не говорила про меня с Сочиным? Никому, да? Косте не звонила?

Мне стало тошно от ее заискивающего тона, от жалких глаз, и я ответила:

— Никому не сказала, никому не звонила. Можешь успокоиться. И вообще, за кого ты меня принимаешь, если могла подумать такое?

— За честного человека, Сашенька, — но слова ее продолжали звучать недоверчиво. — Правда, никому, правда? Ни полслова?

— Никому. Ни полслова.

— Дорогая моя, я знала, ты хорошая. Я верила, ты человек… Я прошу тебя, не говори никому. Даже Косте. Не скажешь? Я умоляю тебя.

— Да не скажу я… Не трепушка.

Ирка повеселела.

— А ты меня, наверное, спасла от великой глупости, — сказала она и добавила: — Впрочем, сейчас некоторые этого не боятся. Он мне плечи целовал… Как я оказалась у него дома, не помню. Помню только, как вышли от Кости, еще про кофе. Вроде мне плохо стало… В бутылке, видимо, что-то крепкое было, а я подумала, раз разбавлено, можно пить, не бояться.

— Да уж, — согласилась я, — вела ты себя смело.

Ирка вопросительно посмотрела на меня, пытаясь понять, что скрывается за этими словами, и так обреченно опустила плечи, что мне ее стало жалко.

— Я наговорила на тебя, — тихо сказала она, — прости мне.

— Чего уж там! — махнула я рукой.

Неожиданно сзади кто-то нас обнял за плечи, неловко притиснув друг к другу, но не успела я вспылить, как голос Сочина заискивающе проговорил:

— Салют, девушки! Как отдыхалось?

Я сбросила его руку и резко обернулась:

— Ты постарался, чтобы плохо.

И мельком посмотрела на Ирку: все лицо ее покрылось красными пятнами. На ее месте я бы тоже мечтала только об одном — провалиться сквозь землю.

— Неужели я так виноват? И нет мне больше прощения? — Сочин спросил с улыбкой, но в его глазах было беспокойство и тревожное ожидание.

И я поняла, что ему неловко за себя вчерашнего, что он пытается угадать, как мы к нему отнесемся, а напускной

беспечностью старается защитить себя от возможных упреков и свести произошедшее на уровень шутки, бездельницы, не заслуживающей внимания. Ясно было, что он боится потерять Ирку, да и мое мнение ему не безразлично.

«Все-таки она ему сильно нравится», — подумала я и решила не строить из себя строгого судью. В конце концов, это их дело. Но тонкое чувство гадливости осталось копошиться где-то глубоко внутри.

Мимо нас прошли, тихо разговаривая, Вера Еременко и хохотушка Дымова. Я ревниво посмотрела им вслед. Что может быть общего у Веры с этой балаболкой?

— Подруги нашлись, — буркнула я с досадой.

— Да уж, — откликнулся Сочин, — одну не рассмешишь, другую не остановишь.

Я ни за что не призналась бы себе, что меня больно задело и обидело то, что Вера так легко нашла мне замену. Я была уверена, что Вера ни с кем, кроме меня, дружить не сможет, слишком она была нелюдимой, замкнувшейся на нашей дружбе, никого не подпускала ни к себе, ни ко мне. Мне это льстило, но и обременяло. И вот Вера идет как ни в чем не бывало со Светкой Дымовой. И я не нужна.

С этими мыслями я вошла в класс. За моей партой по-прежнему сидел Борисов.

— А он ничего! — сзади шепнула мне Ирка и хохотнула, видимо, виноватые глаза Сочина подняли ей настроение.

Все мое раздражение, накопившиеся за вечер и утро, обратилось против этого большеглазого мальчишки, без спроса усевшего рядом со мной.

— Ты все еще не убрался отсюда? — прошипела я.

— Вообще-то, не тороплюсь, — тихо ответил он и добавил: — За что ты не терпишь меня? Я не сделал ничего плохого.

— Ты мне не нравишься, — презрительно ответила я, чуть не сказав «тошен».

К нам повернулся Антонов:

— Маэстро, женщина подчиняется инстинктам, а не разуму. Если ей не нравишься, то хоть тресни — она не оценит. Да, маэстро.

— А ты прогрессируешь, Антонов, — удивилась я. — По крайней мере, для твоей черепной коробки это даже слишком умно. Только прими мой совет: брось это словечко «маэстро», оно тебе идет, как корове седло. Замени-ка лучше каким-нибудь из спортивного лексикона.

Антонов, краснея, отвернулся.

Разноголосый гомон, смех — все перекрыл пронзительный

звонок, собирая учеников по классам. Не успели ребята успокоиться, как в класс быстрым шагом вошла географичка — Лариса Васильевна. Она работает первый год после окончания института, и порой ее можно принять за одну из наших учениц. За глаза мы ее зовем Лариской.

Ее уроки для нас, как для солдат команда «вольно». Каждый занимается, чем его душе угодно. Сколько Лариса Васильевна пролила из-за нас слез! И кричала, и просила, и звала директора. Но мы словно черствели, и после недолго раскаяния появлялась прежняя атмосфера расхлябанности. Мы знаем, что изводим ее, но ведем себя так вовсе не из-за неприязни к ней, тем более, ненависти. Она нам даже приятна своей молодостью, эрудицией, внешностью, наконец, мы ей даже сочувствуем, но опять и опять изматываем.

В чем тут причина, мы отлично знаем. Слишком снисходительно она отнеслась к нам на первых своих уроках: мы шутили — она шутила, мы улыбались — она улыбалась. Потом, увидев, что всерьез ее уже никто из нас не принимает, она стала кричать. Но кого сейчас возьмешь криком? От нас слетало, как шелуха с семечек. Лариса Васильевна попробовала требовать дневники, но наиболее шумливые одноклассники стали их прятать перед уроком. Кто под рубашку, за ремень, кто под сиденье стула, просовывая дневник под металлические крепления. Некоторые придумали меняться, и на уроке оказывалось, что у Антонова, например, дневник Мирохина, а своего нет. На все меры Ларисы Васильевны ребята находили контрмеры.

Постепенно на уроках географии сложилась такая обстановка, которую можно назвать «состоянием войны». Ребята ходили на головах, географичка выходила из себя.

Этот урок, как и предыдущие, начался перешептыванием, хихиканьем, шелестом страниц. У доски мялся, тыкая наугад в карту, Виноградов. Но его почти никто не слушал.

Я украдкой посмотрела на Борисова. Он перелистывал географический атлас.

Над ушами у него чуть вились светлые волосы, тонкая матовая кожа обтягивала узкие скулы, в профиль было особенно видно, что у него прямой нос, а губы — пухлые. «А он ничего»! — вспомнила я Иркины слова.

Почувствовав, что его разглядывают, Борисов поднял на меня глаза, и я вновь поразилась их бездонности. А он спокойно отвел взгляд и тронул рукой впереди сидящего Антонова.

— Чего тебе? — буркнул тот.

— Извини, ты не знаешь Заитова? — прошептал Борисов.

— Семена? — подскочил на месте Антонов.

— Правильно, Семена.

Антонов полностью развернулся к нам и, влюблено глядя на Борисова, спросил:

— Ты тоже его знаешь?

— Как видишь. А я думаю, откуда это словечко «маэстро», да и рассуждение о женщинах.

— Ну да, это ж Семен так говорит, — радостно закивал Антонов, не замечая, что географичка сверлит его глазами, а класс с любопытством ждет, что будет.

— Антонов, дневник!

Он нехотя встал, что-то бубня, уронил ручку и, поднимая ее, толкнул ногой назад свою сумку, тут сумку сразу перехватил сидящий позади меня Мирохин, и через минуту уже нельзя было сказать, где она находится.

— У меня нет дневника, — наконец, признался Антонов.

— Подай сюда сумку, а сам шагай за родителями.

— У меня нет ее, — развел руками Слава.

— Как, то есть, нет?

— Сам удивляюсь. Забыл я ее, что ли?

Лариса Васильевна уже кипела.

— После урока пойдешь к директору. А ты, — обратилась она с горькой злостью к Борисову, — новенький, а ведешь себя безобразно. Быстро освоился! Что дальше-то будет?

Тонкий румянец неровно выступил у Борисова на скулах.

— Извините нас, — поднялся он и положил на учительский стол свой дневник.

Географичка сначала удивилась, а потом подозрительно посмотрела на него, ожидая подвоха. Класс вообще безмолвствовал, лишь Антонов прошептал снова усевшемуся за парту Борисову:

— Зачем голову подставлять? Надо держаться!

— Не в этом случае, — ответил тот и некстати добавил: — У меня мама — учитель.

Антонов непонимающе посмотрел на него и опять зашептал:

— Здорово, что ты Заитова знаешь. Он был у нас руководителем в походе. Ты, я вижу, слабоват, но это ничего. Меня держись. Со мной тебя никто не тронет.

Антонов, конечно, сила. Держит второе место по дзюдо в РСФСР. В школе он во всем первый, где нужны руки и ноги: и в беге, и в прыжках, и на лыжах.

«Борисов становится совсем своим», — подумала я, испытывая досадливое ревнивое чувство.

В нашем классе трудно утвердиться. Учителями он считается

сильным. Нигде нет столько отличников и хорошистов, как у нас. Знаю, есть классы, где стыдно хорошо учиться. У нас же с легким презрением относятся к двоечникам и к «средненьким», если только у этих отстающих нет других способностей, как, например, у Антонова, или интересных увлечений, как у Виноградова. Тот знает все эстрадные ансамбли: и советские, и зарубежные, собрал сто шестьдесят песен Пугачевой и три альбома с ее фотографиями.

Мне приятно, что я в числе лучших учеников класса, что ребята меня уважают, мои слова, мое мнение имеют значительный вес, и я выбираю друзей, а не они меня, хотя дружить со мной, я знаю, хотели бы многие.

Может быть, поэтому я не помогла ни одному новичку, тайно боясь, что их появление лишит меня завоеванного в классе места, я не хотела потерять даже йоты своего влияния, а в каждом новеньком была возможность этой потери. Я начинаю разговаривать с новичками, когда уже большинство класса считает их своими, но даже после этого долго отношусь к ним, как к чужеродному в нашем классе.

В Борисове многое меня раздражало, и к этому добавилось еще то, что он слишком быстро стал осваиваться в нашем коллективе, но это же вызывало мое любопытство.

Считаться с ним не хотелось. Приклеился ко мне — тем хуже для тебя. Станешь у меня мальчиком на побегушках. Там, глядишь, и отстанешь. Еще и посмеюсь над тобой. А не отстанешь — Костя выбросит тебя с моей парты.

В пол-уха слушая географичку, я локтем легко толкнула Борисова.

— Ты математику сделал?

— Да.

— Дай списать.

Он наклонился и вынул тетрадь из сумки. Не глядя на него, я спокойно и аккуратно все переписала, не сказав после этого ни «спасибо», ни «благодарю», ни одним жестом не проявив признательности.

12
В школе

Галдела на разные голоса перемена. Шестиклассники бегали, словно реактивные, кучкой стояли пятиклассники и старались гладкой косточкой перевернуть какой-то синий значок, лежащий на полу.

Баринова, захлебываясь, говорила:

— В нашем магазине появились джинсы из ФРГ. Лежат свободно!

— Джинсы — из Германии? — презрительно скривилась Ирка. — Настоящие джинсы, чтоб ты знала, шьют в Америке. В Сэ Шэ А, — произнесла она медленно по буквам, как перед бестолковой школьницей.

— Появились немецкие штаны, появятся и американские, — не сдалась Баринова, сделав вид, что не заметила насмешки. — Скоро никакого дефицита не будет!

— Ты считаешь, это хорошо? — все так же свысока спросила Ирка.

— Конечно!

— Все будут ходить одинаковые, неинтересные — скучно!

— Вовсе нет, — вмешалась в разговор я, — это сейчас все одинаковые. Джинсы в дефиците — подавай всем джинсы. Никакой индивидуальности. Конвейер!

Почувствовав недостаточную убедительность своих слов, я смолкла.

— И все же дефицит останется, — упрямо заявила Ирка.

Вера покачала головой, а Светка Дымова рассмеялась:

— Да, Редькина, тебе трудно будет с ним расстаться. Тебе по нутру такая жизнь, когда другим не достается, а тебе — без проблем. Чем потом похвастаешь?

Светка сделала паузу, наслаждаясь Иркиной растерянностью, и продолжила:

— Не горюй, Редькина, голова-то у тебя останется, ею и будешь гордиться. Она у тебя толковая. Только вот я слышала, — Светка хитро сощурила глаза, — будто ты вместо университета решила поступать в торговый институт. Это правда?

Ирка совсем потерянно посмотрела на всех и неуверенно сказала:

— Ну, думаю… то есть думала… Сейчас не знаю. Если дефицита не будет, какой смысл?

Светка весело прыснула:

— Я ведь разыграла тебя. Ни от кого ничего подобного я не слышала. Сама догадалась. Всех любителей тряпок тянет в торговлю.

Ирка обиженно поджала губы и отошла к окну, а Светка ей вслед бросила:

— Больше всего будет цениться доброта, душа человеческая.

Ирка обернулась и зло проговорила:

— Дура! Кому нужна твоя душа? А дефицит останется! Появились джинсы — исчезнет что-нибудь другое. Да и джинсы исчезнут… Всегда в цене будут вещи, потому что они украшают нас. Кто говорит иначе — тот врет. Врет, как лиса, которой не добраться до сладкого винограда. Вот стану директором магазина — вы у меня в ногах валяться будете, выклянчивая дефицит. И я помогу, подкину. А не будете — ходите оборванками!

Меня отозвал в сторону Алексей Иванович и негромко доверительно заговорил:

— Александра, я вас как комсорга прошу навести порядок на уроках географии. Лариса Васильевна очень жалуется… и на вас, кстати, тоже. Мне очень грустно было это слышать. Комсорг должен быть первым помощником учителя на уроке. Я надеюсь, вы станете опорой для Ларисы Васильевны.

Мне представилась, как мое поведение обсуждали учителя, и я почувствовала раздражение:

— Лариса Васильевна сама виновата, что ее не признают.

— Как так? — удивился Алексей Иванович.

— Не надо было заигрывать с нами. Сама распустила класс, а теперь жалуется. Разве достойно набиваться в друзья, еще не добившись уважения?

— Не понимаю…

Я принялась недовольно объяснять:

— Учитель, прежде всего, должен завоевать авторитет у учеников как знающий человек, как педагог. Только потом он добьется дружбы ребят. А всякие жалкие попытки понравиться любыми средствами, любыми поблажками вызывают чувство вседозволенности… даже панибратства к учителю. Но вы не беспокойтесь, к концу года Лариса Васильевна станет законченной мегерой, и дисциплина будет железная.

Алексей Иванович медленно заговорил:

— Каждый молодой учитель и немолодой тоже, впервые и не впервые встречаясь со школьниками, мечтает с ними подружиться, хочет понравиться. Это так естественно! Разве можно на добрые чувства отвечать оскорбительной насмешкой? Да, вашему девятому «А» не добиться уважения Ларисы Васильевны! Черствых людей, самовлюбленных эгоистов — не

уважают!

Он повернулся и пошел по коридору, ссутулившийся, постаревший, вызвав у меня непонятную жалость и неожиданное чувство растерянности и неловкости.

Перед математикой Борисов обстоятельно объяснил мне задачу, которую я уже списала. Я слушала с капризным видом королевской дочери, которой вместо бланманже принесли малиновый мусс.

Зато Антонов весь искрутился на своем месте и раза три начинал с Борисовым разговор: ему не терпелось обсудить общее знакомство. Его визит к директору, видимо, обошелся без последствий, и обычная жизнерадостность так и распирала его губы. Антонов вообще был в привилегированном положении: второе место в российском чемпионате много стоит. Когда после восьмого класса он надумал войти в ПТУ, его уговаривали остаться в школе оба завуча с директором во главе. Антонову даже предложили вести платный кружок дзюдо при ЖЭКе, и он стал трудящимся человеком.

Но Борисов игнорировал попытки Антонова заговорить, растолковывая мне ненужную задачу. А я украдкой наблюдала за Иркой, которая стояла у окна рядом с Сочиным. Ее прилежно причесанные волосы после вчерашней завивки лежали мягкими волнами, глаза рассеяно смотрели вниз, но губы довольно морщились. Сочин виновато щурил цыгановатые глаза и что-то тихо ей говорил.

Я поняла, что окончательного примирения между ними не произошло, но все шло к этому. Ирка без хорошего концерта не собиралась его прощать.

На уроке математики была дана контрольная работа, Борисов украдкой помог мне справиться с одной задачей, а остальные две с легкостью решила сама. Я была признательна ему и, повинуясь чувству благодарности, посмотрела в его настороженные глаза и увидела, как они радостно засветились, а губы доверчиво улыбнулись.

И я тут же осадила себя, резко сжав свое благодарное чувство. «Теперь уж он точно не уйдет, — разозлилась я. — Ишь, какая чуткая нашлась! Все равно он кретин, хоть и соображает немного. Не кретин, так урод. По крайней мере, не красавец. Да еще липучка без гордости, абсолютная бесхарактерность. Пальчиком поманишь — побежит, как собачка. Кому такой будет нужен? Мне лично ни в каком качестве. Тряпка!»

С совершенно потерянным видом оглянулся Виноградов. Видно было, что дела его совсем плохи, и больше двойки за контрольную он не ждет. Сидел он впереди Борисова и выполнял

ту же работу.

Я вдруг коварно улыбнулась, взяла листочек бумаги, положив локоть на парту так, чтобы скрыть то, что буду делать, и, кося глазами в соседнюю тетрадь, быстро переписала Борисовские задачи, свернула, подписала «Виноградову», ткнула Антонова и вместе с шариковой ручкой передала через него записку.

В школе было тихо: шел последний урок. Я занесла журнал в учительскую, надеясь увидеть Алексея Ивановича и простым «до свидания» хотя бы чуточку затушевать то впечатление наглости и злости, которое наверняка у него осталось после разговора со мной.

У окна стояла Лариса Васильевна. Я узнала ее по светлым волосам до плеч, пышной плащевой юбке с большими карманами по бокам и полосатому джемперу. Словно одна из наших учениц зашла сюда и, заглядевшись в окно, задумалась.

— Лариса Васильевна, — тихо окликнула я. — Вы не знаете, Алексей Иванович еще в школе?

— Нет, не знаю… Может быть, — ответила она, не оборачиваясь, и вдруг всхлипнула.

Географичка плакала! А отвернулась к окну, чтобы этого никто не заметил.

Я прямо-таки к полу приросла. Что делать? Лезть успокаивать — бестактно, вдруг человеку надо побыть одному? Но уйти — пусть плачет! — совсем нехорошо.

Я умоляюще невпопад забормотала:

— Вы нас простите, Лариса Васильевна. Мы исправимся. Будем тихи, как мышки. Вот увидите. Девятый «А» не подведет. Я комсомольское собрание проведу… Мы вас любим. Вы самая красивая во всей школе!

Она опять судорожно всхлипнула, и пышные ровные волосы ее чуть колыхнулись.

Меня словно дрожью обдало: так жалко было смотреть на ее тоненькую, беспомощную фигурку с подрагивающими плечами. Я поспешно подошла к ней и вновь беспорядочно заговорила:

— Лариса Васильевна! Неужели мы вас так обидели? Вы успокойтесь. Если из-за таких балбесов слезы лить, можно раньше времени постареть. Не плачьте. Ну, пожалуйста…

— Вы тут почти не причем, — махнула рукой Лариса Васильевна. — Это я никуда не годный учитель, и делать в школе мне нечего.

— Это кто вам сказал?

— Директор, — опять завсхлипывала Лариса Васильевна.

— Так и сказал? — растерялась я.

— Да. Почти так. И в самом деле, меня никто не слушает.

Ваш класс еще ничего… В девятом «Б» один мальчик меня вообще… обругал. Я пошла к директору, а директор тоже… грубо… Не буду, мол, на каждом вашем уроке порядок наводить. Сами думайте… Не надоедайте, — слова с трудом проходили через корежимое судорогой горло. — Уволюсь я…

— Что вы, зачем? Вы такая милая, умная, красивая.

— Вовсе нет. Не надо меня успокаивать. Я — неудачница. Пойдем отсюда… Вдруг кто-нибудь зайдет? От слез я становлюсь страшной.

Лариса Васильевна открыла футлярчик с пудрой, вздохнула и, все еще отворачивая от меня свое распухшее лицо, припудрилась.

Слезы Ларисы Васильевны поразили меня. Последнее время мы видели ее злой, крикливой, и я не могла представить, что она может, как ребенок, взахлеб плакать.

Я впервые осознала, что нельзя судить о человеке по его поведению, внешности и даже по словам. Может быть, все люди похожи на кокосовые орехи, где за твердой скорлупой прячется нежное молоко? Наша скорлупа — независимый вид, решительность в поведении, и слова, слова… Нет, люди не кокосы, слишком хрупкая у нас скорлупка. Одно слово — и прямо в сердце.

Мне захотелось пойти к Вере, рассказать о Ларисе Васильевне, послушать Чайковского. Но я не решилась: слишком жалок был бы мой приход к ней. И я повернула к Ирке.

Ирка встретила меня торжественная и торжествующая. Она была вся преисполнена счастливого самодовольства, которое сквозило в важности движений, победным светом лилось из глаз, играло на насмешливых губах.

— А где Сочин? — поинтересовалась я на всякий случай: мне не хотелось быть третьей лишней.

— Ушел. Его в три кто-то с записями ждет или с дисками. Садись.

У Ирки в квартире нет картин, нет книг, зато модная мебельная стенка забита хрусталем, а на полу и стенах — ковры, один затейливее другого. «Да, толк в коврах здесь знают, — сказала Вера, побывав как-то разок у Редькиной. — Но заметь, ничего для души, все для комфорта и шика. Ах, нет, для души — телевизор. Типичное жилище торгового работника". И я с Верой согласилась, я тогда с Иркой еще не дружила.

Не дожидаясь, пока я сяду, Ирка плюхнулась на диван, широко расставив ноги. Она была одета в брюки-бананы, почти сплошь застроченные крупными карманами, отделанные сетчатой тканью и ремешками, и в эффектную футболку, разрисованную

синими звездами.

— Сегодня Лариса Васильевна плакала, — сказала я.

— Где? — глупо спросила Ирка.

— В учительской. Я зашла, а она плачет.

— Ну и пусть плачет, нам-то что? Ее дела, — непонимающе посмотрела на меня Ирка, счастливое сияние в ее глазах слегка затушевалось.

— Мы должны ей помочь. Она плакала из-за нас. И из-за директора… Но из-за нас тоже!

— Мне делать, что ли, ничего? Это ее работа. Ей за это деньги платят. Не может работать с нами, пусть ищет другое дело. Прямо смешно. Можно подумать, мне своих забот мало. У меня их — во! — она чиркнула ребром ладони по горлу. — Я их, кстати, на других не перекладываю.

— Какие такие у тебя заботы? — насмешливо спросила я. — Тряпку новую купить?

Ирка сузила зеленоватые глаза.

— Хотя бы и тряпку. Костюм для аэробики. А что? Плохо? В человеке, между прочим, все должно быть прекрасно. Лицо у меня красивое, душа — в порядке, мысли — это мелочи, они приходят и уходят, а вот одежда — это важно. Даже суперважно: на меня же будут смотреть!

— Да уж, нет ничего важнее костюма для аэробики, — уязвлено сыронизировала я.

У меня появилось такое чувство, словно я заглянула в глубокий колодец, увидела свое отражение и откачнулась.

Ирка пропустила мимо ушей мои слова и вновь засветилась самодовольством.

— Сочин признался мне в любви, — стараясь приглушить торжествующие нотки, поделилась она.

— Разве он не сделал это раньше? — нехотя спросила я.

— Раньше он стеснялся об этом говорить.

— Вот уж что-что, а застенчивость в нем трудно предположить.

— Ты намекаешь на вчерашнее? Но ведь это любовь! Понимаешь? Любовь!

— Если и дальше будет так проявляться его любовь, я тебе не завидую.

— Ты толстокожая. Он приревновал, ты этого не поняла? А где ревность, там настоящая любовь. Там страсть. Понимаешь? Я страстно любима. Он сказал: я лучше всех! Слышала бы ты, как он извинялся передо мной. Он стоял на коленях! Здорово, да?

— Если бы передо мной встали на колени, я бы в восторг не пришла.

— Пусть сначала встанут, потом скажешь, — снисходительно проговорила Ирка и, помолчав, спросила: — Если Володя меня так сильно любит, то и другие могут полюбить, ведь так?

— А зачем тебе другие? — не поняла я.

Она немного смутилась, бросила на меня вороватый взгляд и нерешительно сказала:

— Это же приятно, когда любит не один, а несколько… Есть выбор. И вообще лестно. Юность короткая. Лет до двадцати посводим с ума, а там замужество, дети, изменившаяся фигура. Останутся одни воспоминания. Хочется красиво прожить юность, в обожании. Я хочу, чтобы за меня боролись, дрались… Ты разве этого не хочешь? — она с нетерпением воззрилась на меня.

— Нет, — я категорично покачала головой. — Мне нужен только Костя. Зачем мне кто-то еще?

— Ну, конечно, это ж Костя, — сказала она, некрасиво передернув ртом, но насмешки в голосе я не услышала.

Лицо ее опять потухло, самоуверенности, как ни бывало. Она, резко встав, подошла к телевизору и щелкнула кнопкой.

— Посмотрим, что покажут. Обожаю дикторш. Особенно Веденееву. Она ни разу не появилась в одном и том же наряде дважды! Говорят, ее муж — дипломат.

— Если она так часто меняет платья, тяжеленько ее мужу.

— Вовсе нет! — Ирка села на своего конька. — А зачем комиссионка? Вещи, достаточно модные и красивые, можно почти без ущерба продать через комиссионные магазины. Можно даже на этом заработать! Я об этом уже думала. Кстати, посмотри на эту прелесть.

Она сбегала в другую комнату и принесла мягкие полупрозрачные трусики с необыкновенно красочной бабочкой посередине.

— Из набора «недельки». Чудо, да? Мама принесла такой комплект для своей знакомой, так эти трусики у меня месяц из головы не шли. Я такая впечатлительная! И вот вчера мама купила их и для меня. Ты бы видела, как они на мне смотрятся — обалдеть!

— На тебе все — обалдеть, — сказала я, чувствуя скуку смертную.

И пулей вылетела от Ирки.

13
Ссора с Костей и слезы

Я продолжала третировать Борисова. Идя в кабинет математики, нарочно забывала портфель в кабинете физики. Борисов, молча, приносил его. Не сделав письменное задание по геометрии, по-хозяйски открывала тетрадь Борисова и без зазрения совести списывала. Я неблагодарно пользовалась его услугами, то есть добротой, как чем-то само собой разумеющимся. Я просто презирала его. Костя не потерпел бы такого пренебрежения. А этот постоять за себя не может, стал посмешищем всего класса. Я, пожалуй, даже намеренно вызывала Борисова на ссору, чтобы избавиться от такого соседства, но он молчал и не уходил.

По вечерам, когда шла от Кости, я встречала во дворе дома Борисова. Обычно он гулял со своей двухлетней племянницей Леночкой.

Мама рассказала, что дочь Юлии Петровны учится в Свердловске, в университете. Там она влюбилась в однокурсника, а он оказался недостойным человеком. Дочку она привезла сюда, а сама продолжает учиться. И еще мама сказала: «Надо же, какая Юлия Петровна приятная женщина, а в жизни ей не повезло. Муж — директор школы, а семью бросил. Влюбился, видите ли, в другую женщину, в молодую, наверное. Правду говорят: не родись красивой, а родись счастливой. И квартиру разменяли, и с работы уволилась. Осталась с сыном да внучкой. А ведь детям нужен отец.

А я подумала, что Борисов сам, как отец. Он заменяет Леночке и мать, и отца, и няньку.

— Ему в яслях надо работать, — сказал Костя.

Он сфотографировал Борисова из окна, когда тот встал на корточки, а ребенок пытался забраться ему на плечи. Нелепее картинку трудно было придумать, и мы от души посмеялись.

Наступил понедельник. Нам задали домашнее сочинение. Кроме того, надо было зубрить другие предметы: как-никак конец второй четверти. К Косте я не пошла, а лишь позвонила ему, зная, что врач его выписал с больничного, и мы должны встретиться утром: он всегда ждал меня перед занятиями.

На следующий день я вышла из дома позже обычного. Не увидев Кости на привычном месте, села на заснеженную лавочку возле своего подъезда.

Мимо прошел Виноградов, торопливо пробежала Ирка,

крикнув: «Сашок, опоздаешь!» Промчался Борисов. Девочку, наверное, кормил. Костя все не появлялся. Тогда я, забежав в его подъезд, поднялась на четвертый этаж и позвонила.

Открыла Елизавета Матвеевна.

— Здравствуй, Шурочка! — почти пропела она.

— Костю можно?

— Он ушел, давно уже ушел… — в старческом голосе прозвучали недоумение и жалость.

— Извините.

Я бросилась бегом по лестнице вниз.

На урок я опоздала, Юлия Петровна уже объясняла новый материал.

— Проходите, Борисова, — кивнула она мне.

Я почувствовала, как сердце мое больно толкнулось: за моей партой все также сидел Борисов. Костя был рядом с Иркой. Провожаемая тридцатью взглядами, я пошла к своему месту. В ногах теплым студнем перекатывалась слабость, вероятно потому, что всю дорогу пришлось бежать. Я чуть не упала на сиденье.

— Сашенька, ты не больна? — спросила Юлия Петровна.

— Нет, у меня отменное здоровье… — ровно сказала я и не узнала свой голос: так хрипло прозвучал мой ответ.

Юлия Петровна удивленно взглянула на меня:

— Сочинение написала? Надо сдать. — Она сделала жест рукой в сторону стопки тетрадей, лежащей около классного журнала.

Я послушно кивнула, но почему-то не пошевелилась. Тогда Борисов открыл мой портфель, достал тетрадь и отнес ее к учительскому столу.

Урок прошел мимо меня. Я бессмысленно смотрела в затылок Антонову, но видела только Костю за одной партой с Иркой, а громче, чем все голоса, слышала свое сердце, как оно, сжавшись, больно и тупо стучит.

На перемене сомнамбулически подошла к Косте.

— Ты что, не решился сесть на свое место? — вопрос прозвучал так, как я и хотела — насмешливо.

— Да если б мне надо было, никто б не помешал, тем более, этот желудочник. Просто тебе одного дурачка хватит, во вторые меня не записывай!

— И все же ты дурак. Дурак, дурак, — мой голос истерически прервался.

Костя сразу побледнел, его глаза колюче потемнели.

— Кто поверит, что можно бескорыстно таскать твои сумки, решать за тебя задачи? Не задаром это! Или тебе нужно, чтобы кто-нибудь непременно за тобой таскался? Ни дня без этого?

Любой, кто посмотрит… Знаешь, как называют таких, не разборчивых?

Между нами встал Борисов, и в душной тишине прозвучала пощечина. Я едва успела отступить, как Костя с силой толкнул Борисова. Тот сделал несколько шагов назад, но не упал.

— Борисов, Осинин, вон из класса!

Все обернулись. Юлия Петровна, совсем белая, стояла у доски.

— Все по местам! Вы не слышали звонка? Редькина, что вы хотите сказать?

— Можно мне выйти? — вскочила та со стула.

— Идите.

Ирка, едва сдерживая шаг, почти выбежала из класса.

— Алексей Иванович заболел, и вместо истории у вас будет еще один урок литературы.

Юлия Петровна помолчала, ожидая, когда все займут свои места. Рядом со мной села Вера. Чтобы унять нервную дрожь и успокоиться, я решила сосредоточиться на уроке, с усилием собирая ускользающее внимание. Но мысли против воли уносились за Костей, и я время от времени больно покусывала костяшки пальцев, чтобы вернуть себя в класс.

Юлия Петровна привычно размеренно говорила:

— Рисуя образы дворян, Толстой правильно показал, что это сословие рождало в большинстве своем гонителей науки, жестоких крепостников, эгоистов. Однако в нем существовали и такие семьи, в которых воспитывались настоящие патриоты и благородные защитники прав униженного народа…

Я искоса посмотрела на Веру и усмехнулась про себя: успокоить решила. И точно, она коснулась ладонью моей руки и шепнула:

— Ты, главное, успокойся. Плюнь на Осинина. Ничего хорошего в нем нет. Один вид. Ты в сто раз лучше.

От этого дурацкого сочувствия воля моя смякла, мне стало жалко себя. И чувствуя, как противно защипало в носу и слезы подкатили к глазам, я сердито буркнула:

— Я и не волнуюсь!

И уткнулась в сложенные на парте руки, стараясь не разреветься, но от этого на самом деле заплакала.

— Иди, Александра, погуляй. Я вижу, ты заболела, — тихо сказала Юлия Петровна.

14
Я заболела

Я, действительно, заболела. Когда пришла домой, мама сунула мне подмышку градусник и вызвала врача. Он освободил меня от школы на три дня, а это как раз до конца четверти.

На следующий день меня навестили Вера и Антонов. Они принесли апельсины, и мы втроем стали дружно чистить их и есть.

Слава оказался хорошим, добрым парнем. Он рассказывал нам про туристические походы. Я позавидовала ему. Как, должно быть, чудесно засыпать под шум деревьев, просыпаться от гомона птиц, встречать рассветы в горах и видеть вокруг себя преданных, честных и смелых друзей. Насмешливая грусть овладела мною: я вдруг с яркой очевидностью поняла, что надежных друзей у меня нет, что тот мир, который я создавала и которым жила, — зыбок, словно отражение на воде.

— Слава, а кто такой Заитов? — спросила я, вспомнив, как засветился Антонов, услышав от Борисова эту фамилию.

— Заитов был нашим руководителем в походе. Я не умею говорить о таких людях… Вот бывает на душе погано, и неожиданно прозвучит хорошая песня или доброе слово. Сразу легче, да? Так и Заитов. Был он с нами неделю, и мы не уставали, то есть, конечно, уставали, но как-то весело, приятно, что ли… В общем, не знаю, как сказать. Он умеет подбодрить, развеселить, даже не развеселить, а всю дорогу с ним легко идти. А как он поет! Это ж не человек — душа поет. Так бы всю ночь сидел у костра и слушал. Между прочим, костер в любой дождь разжигает.

— Ну, уж… — усомнилась я.

— Да, да, он все умеет, все знает, все сделает.

Я этому не поверила, но решила, что не знакомый мне Заитов действительно неординарный человек.

— А он красив? — поинтересовалась я.

Антонов удивленно посмотрел на меня.

— Не знаю, — ответил он не сразу, видимо соображая, какое это имеет значение применительно к замечательному, исключительному Заитову. — Широкий в плечах, но не высок, коротко стриженые русые волосы. Под ежик. Круглое лицо, курносый. Вообще-то, красивый. Вроде бы и нет, а красивый.

— Какой же он красивый: невысок, курносый, круглолицый? — возмутилась я, усмотрев явное несоответствие

между описанием и оценкой.

— Конечно, красивый, — убежденно сказал Антонов. — Такой хороший человек не может быть некрасивым.

Мне это напомнило урок на тему: «В чем истинная красота человека», и стало кисло, но я решила не спорить.

— А откуда Борисов его знает? — продолжила расспрашивать я.

— Заитов и Шурка — друзья. Семен учился у матери Борисова, Юлии Петровны, да еще в одном классе с Шуркиной сестрой. Так и подружились.

— Но это не основание для дружбы, — опять возразила я. — Если я учусь вместе с Виноградовым, то это не значит, что я подружусь с его сестрой.

— А что тут странного? Два хороших, умных, интересных человека должны были подружиться.

— Да что в них хорошего? — не удержалась я. — В Заитове, например? Насколько я поняла, он просто обаятельный, болтливый тип, некрасивый, умеющий немного петь. Даже самая слабая песня вечером у костра кажется замечательной. Вот и вся его прелесть.

У Антонова оскорблено потемнели глаза и дернулись губы. Он процедил:

— Я думал, ты лучше. Хотя это я лажево рассказал, и ты не поняла. Что хорошего в Заитове? Я ногу стер новыми кроссовками, а кеды были старыми и разодрались еще вначале. Так вот, шел я, хромал, скрипел зубами, слабаком оказался… Подходит ко мне Семен. «Что такое?» — спрашивает. «Да вот, — говорю, — правая, зараза, заужена, ногу, как в клещах, держит. Тому бы, кто сбраковал, такие колодки по гроб жизни носить». Достал тогда Заитов свои адидасовские кроссовки и подал мне. «Домой вернемся — отдашь», — только и сказал. Ты бы отдала свои кроссовки, да еще адидасовские?

— Конечно, нет, — честно призналась я, подумав, что Костя точно бы не отдал.

— Ну вот! — торжествующе сказал Антонов. — А ты говоришь, чем хорош…

— Зато твой кумир дефицитом увлекается. Адидасовские кроссовки! Где он их взял? По блату или на толчке? А может, он сам чуть-чуть фарцует? — спросила я со злой язвительностью, раздосадованная сравнением.

— Почему ты стараешься хорошего человека выставить непременно плохим? — возмущенно накинулась на меня Вера.

«Потому что не должно быть человека лучше Кости», — хотелось мне сказать, но я сама в это уже не верила.

А Антонов издал какой-то булькающий звук, помолчал и, наконец, обрел способность говорить:

— Семен купил эти кроссовки, когда служил за границей в Германии, а не на толчке, и не потому, что это дефицит, а потому что кроссовки — необходимая для него вещь.

— Саша, — заговорила вдруг Вера очень серьезно, — это ты подбросила решение контрольных задач Виноградову?

— Каких контрольных задач? — схитрила я.

— По математике. Ты же знаешь, что для Математика самое страшное преступление — списывание.

Еще бы я это не знала! Всей школе было известно, что Математик презирает списывающих, но к тем, кто дает списывать, относится совсем непримиримо. Эти люди, по его мнению, «причина умственной лени неуспевающих», «совершенно беспринципные товарищи, которыми серьезно должна заняться комсомольская организация».

Зная этот сдвиг Математика, ребята никогда не списывали точь-в-точь, а те, кто помогал шпаргалкой, намеренно делали в записке какую-нибудь незначительную ошибку или исправление. Я же переписала из Борисовской тетради все точно, вплоть до точки. Виноградов, как я и рассчитывала, подумал, что в записке уже сделаны необходимые коррективы, и, радуясь помощи, смахнул все с написанного.

Подчиняясь требовательным глазам Веры, я уклончиво ответила:

— Что-то я не помню контрольную по математике. И у меня совсем иной вариант.

— Но ведь ты передала через меня записку, — горячо заговорила Антонов. — Неужели, не помнишь? Я еще удивился как раз от того, что у тебя другой вариант. Задачки, которые сдул Виноградов, оказались решены и записаны в точности, как у Борисова. И теперь Математик склоняет Борисова на каждом уроке… И перед другими учителями, наверное, тоже.

— А может, Борисов сам подбросил шпаргалку Виноградову? — притворилась я дурочкой.

— Нет. Он сказал «нет».

— Мало ли что он сказал! Решил еще одного простачка в друзья заполучить, а проруха бывает и на старуху.

Вера с упреком смотрела на меня, словно ей все было известно. И я смутилась.

Антонов принялся доказывать:

— Виноградов не просил шпору у Борисова. С чего бы Борисову посылать ее? Да еще через тебя? Самому-то проще.

— Детективы! — усмехнулась я.

— А Таня Колчина перешла в другую школу, — некстати вспомнила Вера.

— Ну и что? Мне дела нет до Колчиной, — недовольно пробормотала я.

— Баринова сказала, что Таня хотела отравиться димедролом… Убийцей себя не чувствуешь? — Вера спросила тихо, но очень четко.

Я вскочила, как ошпаренная, и взвизгнула:

— Ты думай, что говоришь! И вообще, зачем вы пришли? Сказать, что я — дрянь? Я не ангел и без вас себя хорошо знаю! Но я не хуже всех! Не хуже Колчиной! И не такая уж плохая…

Жалкие слезы выступили у меня на глазах.

Вера растерялась, а Антонов что-то замычал и стал совать мне апельсин, словно я маленькая.

Неожиданно пришел Сочин. Не спеша, скинул и повесил на крючок куртку, снял с одежды пылиночки, пригладил без того гладкие волосы.

— Простыла? Ну, ну… Горло? Ну, ну, — заговорил он, обводя глазами комнату, его взгляд остановился на Вере со Славой.

— Так ты не скучаешь?

Он явно пришел по поручению Кости. Мое и без того подавленное настроение совсем испортилось. Я почувствовала себя бесконечно несчастной. Неужели Костя не мог сам прийти? Гордость не позволяет…

Вновь раздался звонок. Я кинулась открывать, но на пороге стоял Борисов.

— Уходи. Убирайся! — захлопнула я дверь, чуть не плача.

— Ладно, мы пойдем, — Вера отчужденно посмотрела на меня. — Выздоравливай.

Антонов торопливо засобирался, он покраснел, а его уши приобрели ярко малиновую окраску.

— Нелегко с такой подругой, — сочувственно протянул Сочин, как только они вышли. — Ведь Верка буквально тебя ненавидела, когда уходила.

Я грубо оборвала его:

— Не твое дело! — Он поморщился. — И передай Осинину, чтобы не смел здесь появляться, чтоб духу его не было рядом со мной! И пусть парту мою подальше обходит. Попробует сесть — побьют!

Не знаю, почему я так сказала. Некому было бить. Но Сочина мои слова ошарашили. Потом, вновь обретя нагловатую ухмылку, он спросил:

— Антонов, что ли? Кулаки у него и впрямь развиты, не в пример голове. Но Костя не слабак. И мы лыком не шиты… и все

за одного.

— Все на одного! Убирайся!

Я сдернула с вешалки его дубленочную куртку, швырнула в него и окончательно разревелась.

15
Зимние каникулы

Наступили зимние каникулы. Никто ко мне больше не приходил, и мне никуда не хотелось идти. Я ждала Костю. Я простила его. Во всем виновата я сама и Борисов. Конечно, Косте стало обидно, что я терпела рядом этого бледнолицего. Тут любой бы разозлился. Надо было сразу прогнать этого кретина. Как я теперь с Костей помирюсь? Я люблю его. Люблю.

Я вспомнила, как впервые открыла, что он красив. Это произошло в восьмом классе. Был субботник, мы жгли прошлогодние листья в школьном дворе. Костя с взлохмаченными волосами и усиками пыли над верхней губой присел возле костра. У меня с головы слетела синяя косынка, он поймал ее прямо над огнем и повязал себе на шею. И я увидела, что глаза у него такие же синие, а губы красивые, властные, и правы девчонки, давно решившие, что Костя — самый стоящий парень в школе.

С того дня я потеряла покой. Посмотрит он на меня — сердце екает. Окажусь рядом с ним — ноги подгибаются, не знаю, куда руки деть, что сказать. Не имею понятия, нравилась ли ему какая-нибудь девочка до меня — он никогда об этом не говорил, — но привязала я его к себе. Осинин на каток — я тоже. Прогулка на лыжах? — пожалуйста. Уйти с урока? — можно. Куда Осин — туда и я. И хоть страшно робела при нем, старалась вести себя независимо. Мол, не думай, что из-за твоих прекрасных глаз иду с тобой, просто желания совпадают. Зная, что он увлекается радиоделом, испортила свой магнитофон, чтобы, попросив отремонтировать, пригласить его к себе домой поболтать. И вот уже не я, а он ходит следом за мной.

Да, Костя любит меня. Любил. Этим летом родители звали его на Черное море — он отказался. Вместо этого он выпросил у отца две путевки на Еловое. На этом озере мы провели весь июль, и он говорил, что это самые счастливые каникулы в его жизни.

Я подумала о школьном новогоднем вечере. Знала, что он был в первый день школьных каникул. Я мысленно представила этот радостный бал. Ирка в своем новом модном платье, конечно, весь вечер танцевала с Сочным. А может, с Костей? Сердце мое испуганно заныло. Дела у нее идут прекрасно, если она забыла обо мне. Вера все время просидела в уголке. Антонов простоял в толпе ребят, краснея и не смея пригласить на танец девочку. Двоих я не могла представить: Борисова и Костю. Что делал Костя? Неужели танцевал? Прежде мы первыми выходили в круг

и не пропускали ни одного танца.

Все эти дни я думала о Косте. Пыталась читать, но даже это «лекарство» мне не помогало, хотя книг было предостаточно: Юлия Петровна разрешила пользоваться их библиотекой. Иногда я встречала Борисова. Он не пытался больше заговорить со мной, но я ловила на себе его мимолетные взгляды. Все дни он занимался Леночкой. В окно я видела, как он лепил для нее снеговиков или раскачивал ребенка на качелях. Казалось, он сам готов стать для нее качелями или снежной бабой. Я перестала злиться на Борисова. В глубине души я была благодарна ему за пусть смешную, глупую, но попытку заступиться за меня. Забавный Борисов. И добрый, очень добрый.

А Костя? Как ни странно, я отлично понимала, что Костя — самовлюбленный, надменный, тщеславный. Но разве это большие недостатки? Он имеет на них право, потому что он умный, смелый и красивый. Самый умный, самый смелый, самый красивый. Кто еще в классе так разбирается в физике? А его талант фотохудожника? И в прорубь он нырнул не из-за дурости, как говорили некоторые. Он действительно стал моржом, а простыл потому, что плавал в ледяной воде на спор целых полчаса. Такие люди, как Костя, становятся вождями… Или главарями. Я горько усмехнулась: в нем есть и мужество, и гордость, но нет доброты. Хотя на что она, доброта? Главное — ум. Он двигает жизнь. Антонов — не плохой парень, но больше двух часов его не вынесешь. Не говорить же все время про горы, дзюдо и его собаку! А ведь я тоже не добренькая, и самовлюбленности во мне хватает, и скрывать я этого не собираюсь. Мне легко дается учеба, и знаю я побольше других.

Прошло четыре каникулярных дня. Я была абсолютно здорова, но все так же по полдня валялась в постели или неприкаянно ходила от стенки к стенке. Часто пялилась в окно на Борисова или в телевизор.

На третий день мама возмутилась:

— Прошла половина каникул, а ты все сидишь в четырех стенах. После такого отдыха понадобятся дополнительные выходные. Бери деньги, сумку и немедленно отправляйся в центр. Знаешь овощной магазин около публичной библиотеки? Там вчера продавали мед, пообещали, что и сегодня будет.

— Да ну, вряд ли, — уныло промямлила я.

— Поскорее собирайся. Если очередь будет большая, не стой, лучше походи, погуляй.

— Очень надо, — буркнула я, лениво одеваясь.

Я шла по проспекту Ленина. Под ногами нежно поскрипывал пухлый снег. Он сонно падал пенными хлопьями, придавая

наивно лубочный вид родному городу. Около памятника «Орленку» я остановилась.

Из-под бронзовой папахи жестко смотрел мальчик моих лет. Снежные звезды равнодушно ложились на измученные плечи. Возможно, причиной было мое плохое настроение, но я впервые внимательно смотрела на бронзового героя.

Они погибли за светлое будущее. Интересно, распорядились бы они так своей жизнью, если бы знали, как буду жить я, мои друзья? Неужели нашу жизнь можно назвать светлой? А почему бы нет? Но что-то мне твердило, что за такую нашу жизнь не нужны были ужасные жертвы. А может, полное счастье вообще невозможно? И через сто, двести, тысячу лет девочки будут плакать от любви и обиды?

— О чем это ты задумалась? — услышала я чей-то легкий голос и обернулась.

Со слабой улыбкой мне протягивала руку Нина, невеста Андрея.

— Вы чудесно выглядите, — искренне сказала я, пожимая ее руку.

Она стояла в белом пуховом платке, поверх которого была надета такая же белая песцовая шапочка типа ток, шею плотно, словно шарф, укутывал пышный песец. Ее зеленоватые глаза, на этот раз слегка подкрашенные, приветливо щурились. Даже в зимнем прямом пальто она выглядела тоненькой и легкой.

— Ты тоже прекрасно смотришься, — беря меня под руку, сказала она, — юная, светлая, как снегурочка… как бегущая по волнам, точнее, по снегу.

— Да ну уж, — смутилась я.

— Скажи честно: я не помешала? Иду, смотрю — неподвижно стоит человек и смотрит на памятник. Я раз глянула, два глянула, а когда подошла ближе, узнала тебя. Так о чем ты думала?

Я внимательно посмотрела на нее, пытаясь понять, серьезно ли она спрашивает и не усмехнется ли, и сказала:

— Думала, для чего я живу…

Нина вскинула брови и весело посмотрела на меня, но, увидев мои серьезные глаза, тут же стерла с лица насмешливость.

— И что ты решила?

— Ничего, — я машинально пожала плечами. — У меня нет вариантов.

— И давно… — Нина поискала слово, — возникла эта проблема?

— В пятом классе, — ответила я и улыбнулась, чтобы иметь возможность отступить, обратив все в шутку.

— Неужели так долго вопрос остается открытым? — в ее

голос все же вкрались насмешливые нотки.

— Нет, в пятом классе я определилась: решила стать похожей на пионеров-героев, воспитывать в себе честность, трудолюбие, дисциплину, готовность к подвигу, — тут уже я не удержалась от самоиронии, и трудно было понять, что я говорю правду.

— Ну, и отлично! — засмеялась Нина. — Зачем же решать давно решенную проблему?

— Да, но из пионерского возраста я вышла… — напомнила я.

— А стать героиней-комсомолкой нет большого желания, — весело закончила Нина. — Не ломай себе голову: в шестнадцать-семнадцать лет живут для любви.

— А потом? — поддержала я ее веселый тон.

— И потом для любви… И для семьи.

— Семья — это так скучно и обыденно.

— Да, в школе вам скажут, что важнее всего общественная жизнь, работа, — Нина грустно улыбнулась. — Некоторых это действительно делает счастливыми. Может быть…

— А вас счастливой сделает Андрей, — с бодрым участием закончила я и, сама не знаю, почему, добавила: — Будете жить в Москве, возить своих детей на новых «жигулях». Что может быть лучше такого благополучного счастья?

Нина с испугом посмотрела на меня и тихо произнесла:

— Я не думаю, что мое счастье будет благополучным… Я жду от замужества только ребенка, а больше мне ничего не нужно. Тебе трудно понять меня. Нас отличает то, что я пережила твой возраст, была в твоем мире, а тебе мои двадцать девять кажутся тридесятым царством, неведомым и непонятным. Впрочем, к чему я об этом? Счастливого пути, милая девочка, — она махнула рукой и какой-то надземной походкой быстро пошла прочь.

Я проводила ее долгим взглядом и решительно повернула к овощному магазину, подавленная чувством непонятной жалости и тоскливого смятения.

16
Драка

Через полчаса я шагала назад с банкой бледного меда и с пакетиками мороженых ананасов в сумке. Город был свежим и нарядным от ясного снега. Не доходя до своего дома, я остановилась у газетного киоска, на всякий случай: вдруг есть что-нибудь хорошее, например, что-то из книжных новинок? Тут же, у киоска, стояли два милиционера и тихо разговаривали между собой. Один из них, очень высокий и нескладный, случайно посмотрел на меня и неожиданно улыбнулся. Я увидела, что он совсем молодой для такой строгой формы и ответственной работы, и я улыбнулась в ответ, вместо того, чтобы, вздернув подбородок, пройти мимо.

— Добрый день, девушка, — сказал он.

— Добрый день, — кивнула я и повернула за угол дома.

По расчищенной дорожке пошла к детской площадке. Ее построили прошлым летом, словно возвели маленький деревянный городок. Около бревенчатой избушки заметила нескольких парней. Они сидели кружком на сиденьях-пнях вокруг такого же стилизованного под пень стола. Я не задержала на них равнодушного взгляда, зато внимательно посмотрела на Борисова. Он стоял у качелей, подвешенных на массивных цепях. Смешно согнувшись, с двух сторон придерживая Леночку, он одновременно качал ее очень осторожно, боясь напугать резким взмахом качелей. Леночка счастливо улыбалась, щуря глазки от слепящего снега. Рядом с ними весело качался десятилетний соседский мальчишка Сережка.

«Нянька»! — вспомнила я Костины слова. А Борисов, будто почувствовав, что я рядом, резко вскинул голову, и его щеки розовато окрасились.

— Здравствуй, Саша, — проговорил он.

— Привет, тезка! — легко усмехнулась я, быстро решив, что поздороваться с ним можно: все-таки он не плохой парень и вовсе не виноват в том, что у него такая фамилия, и я зря на него взъелась.

— Как ты себя чувствуешь? — явно растерявшись, спросил он, не меняя смешной позы.

— От-мен-но! — забавляясь его растерянностью, с вызовом ответила я.

— Саша, тебе помочь сумку донести? — глядя на меня тушующимися глазами, спросил он.

— Спасибо, самой не тяжело. Лучше развлекай свою принцессу. Будь здоров! — я подняла руку и, слабо шевельнув ею в узорчатой варежке, пошла дальше.

Но тут же остановилась, внезапно ощутив тревогу: к Борисову шаркающей походкой со стороны избушки шли трое. Этим незнакомцам можно было дать лет шестнадцать-семнадцать. Одинаково натянутые на лоб разноцветные шапочки, руки в карманах — вроде бы парни, как парни, только от их кривящихся улыбок, от наглых глаз, от раскрученной вызывающей походки самого здорового из них исходила угроза.

— Эй, куколка, — крикнул мне здоровый (я сразу дала ему прозвище «Здоровяк»), — хорошо протри свои глазки, чтобы нам не пришлось повторять представление.

Соседский Сережка соскочил с качелей и помчался в мою сторону. Я схватила его за ладошку и прижала к себе.

Парни встали по обе стороны качелей. Борисов перестал скачать Леночку, а так как она испуганно тянулась к нему и вообще могла упасть, он привычно взял ее на руки. Трое молча смотрели, издевательски ухмыляясь.

— Это чье дите? Не твое, ли? — с напускной лаской обратился к Борисову Здоровяк.

— Сестры, — растерянно ответил тот.

— А чо же не папа с ней возица? — утрируя разговорный акцент, все также участливо спросил дубина.

— Папы нет, — тихо ответил Борисов.

— Ах, так твоя сестра шлюшка? — довольно загоготал второй — веснушчатый тип в синей куртке-аляске, мысленно я назвала его Рыжим.

— Ты познакомь нас. Мы любим молодых тетенек. Позабавимся, — скабрезно осклабился третий — парень с длинным лицом — Длиннолицый.

Борисов молчал. Он стоял ко мне в профиль, и я видела, как страх бледностью окатил его лицо. Леночка инстинктивно с отчаянием прижималась к нему.

Я наклонилась к Сережке и торопливо сказала:

— Беги за угол дома, там, у газетного киоска, стоят милиционеры. Позови их. Быстрее.

— Да ты не трясися, — с издевательской сердечностью проговорил Здоровяк, — мы тебя оставим в покое… Покойного, — он громко загоготал, довольный получившейся игрой слов. — Вдарим только раз… Не больше. — Он поднял вверх указательный палец и широко покачал им, видимо, для убедительности. — Ты скажи: «Я слизняк, дерьмо и тряпка». После этого мы те вдарим, — На этот раз он сжал кулак и ударил

им в свою же ладонь, — чтоб не забывал своего места, и почапаем дальше. А ты живи, нянчи дитя разврата.

— Да погромче скажи, чтобы она слышала, — кивнул в мою сторону Рыжий, — и уразумела, кто ты есть такой.

— Ребята, что вы, я вас не знаю… — севшим голосом начал Борисов.

— Узнаешь! Навек запомнишь.

И длинная рука третьего, покинув родной карман, растопырив шевелящиеся пальцы, стала угрожающе приближаться к глазам Борисова.

Леночка испуганно заревела, а Борисов еще крепче обхватил девочку, закрыв ладонью ее личико.

Я чувствовала, что меня трясет от гнева, словно я и Борисов были спаяны, и ток унижения проходил через нас обоих. На моих глазах с гаденьким смешком от нечего делать растаптывали человека, а значит, растаптывали меня. Сердце мое становилось все больше и больше, оно заполняло меня своей болью, едким комком подкатывая к горлу, тупо стуча в виски. Но я только мысленно кричала: «Подонки! Подонки!» — я боялась, хотя уже готова была вцепиться руками, зубами в того, кто ударит Борисова.

Они стояли, трое сильных парней против щуплого, смешного своей слабостью Борисова, у которого на руках сидела двухлетняя девочка. Почти любой на его месте, окажись лицом к лицу с таким сильным и совершенно тупым к чужой боли противником, испугался бы. Борисова во много раз беззащитнее делал плачущий ребенок, крепче любых пут связывающий ему руки.

Растопыренные пальцы Длиннолицего издевательски плясали перед глазами Борисова, то приближаясь, то вновь отодвигаясь.

— Время твое ахнуло, — тихо сказал Здоровяк. Они вообще тихо говорили, стараясь не привлекать к себе внимания, хотя детская площадка была и так пустынна; лишь в стороне хлопала коврик усталая женщина, да мимо детского садика пробежала черная овчарка. — Если ты немедленно не вякнешь, что ты дерьмо, слизняк и тряпка, мы те все ребра переломаем, Да еще на колени поставим и плакать заставим, туфли облизывать. Понял? И твоему рахиту может достаца.

Они пьянели от представившегося случая унижать и запугивать человека.

— Фашисты, — пробормотала я и с яростью крикнула: — Фашисты! Подонки! Это вы, слизняки, боитесь один на один.

— Так… — прошипел Длиннолицый и угрожающе шагнул ко мне.

— Эй, — испуганно сказал ему Здоровяк, — ее не тронь.

Ферзь просил только мальчишку припугнуть.

Одновременно с моими криками Борисов сделал длинный шаг в мою сторону, быстро опустил девочку прямо на снег, громко сказав, не глядя на меня:

— Саша, возьми ее.

В три сильных прыжка оказался в другой стороне, за пределами площадки, за бревенчатым заборчиком, по которому любят ходить дети. Я даже представить не могла, что он может так здорово прыгать и бегать.

В первый момент подумалось, что Борисов убегает, бросив девочку на меня. Но он вдруг резко остановился, повернулся лицом к обидчикам и, бледный, сжав кулаки, со злым отчаянием в потемневших глазах, стал их ждать.

И я поняла, что таким маневром Борисов решил увести их от племянницы. Здоровяк и Рыжий после короткой паузы остолбенения бросились за ним, Длиннолицый, шагавший в мою сторону, тоже кинулся к Борисову.

Я, уронив сумку на снег, подбежала к кричащей Леночке и посадила ее на видневшееся из-под снега бревнышко.

Здоровяк выбросил кулак вперед, но Борисов как-то чудом вовремя отклонился, и хулиган, теряя равновесие, смешно перекувырнулся через заборчик. В этот же момент Длиннолицый легко перемахнул через бревна и со злостью ударил Борисова в лицо, тот, схватившись за скулу, сделал два шага назад и упал на спину.

Тут двое других тоже перемахнули через забор. Веснушчатый в синей аляске наклонился и потянул Борисова за воротник, чтобы удобнее было ударить, а Длиннолицый пнул Борисова в бок.

Но подскочила я, меня била гневная дрожь и, почти упав на коленки, вцепилась сначала в синий капюшон, а потом, содрав противную шапку, в рыжие волосы. Парень взвыл, изогнулся и схватил меня за рукав.

— Уходим, — крикнул Здоровяк, — хватит!

Вдруг бесшумно взвилось черное тело огромной собаки, и Здоровяк, согнувшись, завопил — его рука оказалась в кольце собачьих зубов.

— Милиция! — трусливо крикнул Длиннолицый, и Рыжий рванулся из моих рук, уже не заботясь о своей шевелюре.

И тут же его перехватил милиционер.

Я поднялась с колен и, неуверенно ступая, подошла к Леночке и села рядом. Судорожные всхлипы, словно икота, овладели мной, я вздрагивала и прижимала к себе девочку.

Подошел Антонов, держа за ошейник овчарку, и только тут я

поняла, что это его Арта помогла задержать хулиганов.

Их садили в милицейскую машину, и я слышала, как хныкающе они наперебой говорили:

— Мы не хотели. Он сам. Мы хотели чуть-чуть припугнуть его, чтобы не выставлялся. Сказал бы он: «Ребята, простите меня», — мы бы ушли. Мы ж не дураки днем бить. Попугать хотели. Пошутили мы… Играли.

Борисов медленно поднялся. Из его разбитой губы сильно текла кровь. Он наклонился, захватил ладонью пухлый снег, и прижал его ко рту. Снег тут же покраснел, и Борисову пришлось менять и менять горсти снега, оставляя алые пятна на искрящейся белизне.

Антонов безмолвно смотрел на эти пятна. Брови, то сдвигаясь, то приподнимаясь, плясали у него на лице.

Наконец, он заговорил, уводя глаза, чтобы не видеть моих слез:

— Я вывел Арту погулять, смотрю — Сашка с тремя парнями базарит, спокойно так, я и ноль внимания. Мало ли, думаю, друзей у него может быть. Отвлекся. А повернулся, уже — драка. Я и пустил Арту. Она у меня умница.

Энергичным шагом к нам подошел высокий милиционер, который улыбнулся мне у газетного киоска.

Он протянул руку Антонову и с уважением произнес:

— Молодец! Собака у тебя отличная. И сам великолепную подножку подставил хулигану. Спасибо, что помог нам!

А я не заметила ни подножки, ни самого Антонова в этой стремительной развязке.

Антонов в ответ, протягивая ладонь милиционеру, просто, без тщеславия, ответил:

— Не за что мне «спасибо». Поздновато я подоспел. Это ведь мои друзья, одноклассники. Так что помогал я им. Конечно, и вам бы помог… Но здесь им помогал. Только вот поздновато.

— Все равно молодец, — опять повторил милиционер и, доставая ручку и блокнот, уже официальным тоном спросил: — ваши фамилии и адреса? Ваше мнение о случившемся?

Антонов быстро назвал нас и себя.

— Борисов и Борисова — брат и сестра? — на всякий случай, уточнил милиционер.

— Ага, — силясь улыбнуться, сказала я, — такие же, как все Борисовы вообще или, например, Ивановы.

— Значит, однофамильцы.

Борисов отошел, поднял мою сумку, лежащую в стороне на снегу — о ней я совсем забыла — и протянул ее мне.

— Спасибо, — сказал он, — большое тебе спасибо. — Криво

улыбнулся. — Плохой из меня защитник… Должен был тебя защищать, а получилось наоборот… Надо было отвести их подальше от тебя, а потом…

— Так бы они и ушли, — я с сомнением покачала головой, понемногу успокаиваясь. — Мне почему-то кажется, что мы были нужны им оба. Да, — вдруг вспомнила я слова Здоровяка и, обращаясь к милиционерам, быстро заговорила: — Здоровый крикнул: «Ферзь просил попугать только мальчишку»… Когда вы узнаете, кто такой Ферзь, вы будете знать причину драки… если она есть.

— Ферзь, — повторил задумчиво Антонов и, странно посмотрев на меня, сказал: —Товарищ милиционер, я могу вам в этом помочь, только отойдемте, пожалуйста, в сторону.

Леночка сидела у меня на коленях, притихшая, и тихонько посапывала. Она спала. Подбежал соседский Сережка. Одной рукой стараясь не разбудить девочку, я открыла сумку, Осторожно вынув полиэтиленовый пакетик с ананасами, раскрыла его и протянула Сережке:

— Угощайся…

— У меня горло заболит, — рассудительно ответил тот.

— Возьми тогда весь пакет, дома с горячим чаем будешь есть.

Потом надорвала другой пакетик и, протянув его Борисову и подошедшему Антонову, предложила:

— Ешьте, ребята.

— А ты молодец, — сказал Антонов Борисову, — не убежал, хотя их было трое. А Сашка, Сашка, — он развеселился, — налетела, как орлица, глаза сверкают, щеки пылают. Ну, думаю, если не успею, она этого чувака убьет или, по крайней мере, без прически оставит.

Я, не удержавшись, хмыкнула, а Борисов посмотрел на меня ласково бездонными глазами, в уголках которых блестели растаявшие снежинки.

17
Примирение с Костей

Костя пришел на следующий день. На его лице играла та же белозубая улыбка, а взгляд был по-прежнему смелым и уверенным. В расстегнутой модной куртке и новой пушистой шапке он выглядел великолепно.

— Салют, затворница! Долго будешь дуться? К телефону не подходишь, я думал, уехала куда, но все равно решил попытать счастья и зайти к тебе, — он говорил так, словно все произошедшее — лишь небольшое недоразумение, маленький каприз.

— Сочин тебе все сказал? — я вдруг стала, как каменная.

— Брось ты! Я погорячился, но и ты не права. А характеры у нас одинаковые: обоим трудно уступить. Но я — заметь! — первым пришел каяться, — он картинно склонил голову.

— Характеры-то, может, одинаковые, и все же я не такая черствая, как ты. Разве я сделала тебе когда-нибудь больно? — мой голос жалобно дрогнул.

— Не упрекай меня. Извини, Сашенька моя, милая, чудесная.

Он сел на тахту, потянул меня за руку и посадил к себе на колени. Его пальцы бережно гладили, легко перебирая, мои волосы, а мягкий голос трогательно повторял мое имя.

Я чувствовала, что опять невозможно сильно люблю его, но, сопротивляясь, сердито заговорила:

— Не верю я в твою покорность. Уж не самолюбие ли привело тебя ко мне? Тебя, Александра Великого, прогнали… Тобой пренебрегли!

Костя с веселым удивлением посмотрел на меня.

— Причем тут Александр Великий? И не надо прочитывать меня, как эти книги, — он кивнул на книжный шкаф. — Давай, одевайся, всезнайка. Не хватало только, чтоб ты все каникулы просидела в этой клетке. — Он оббежал глазами стены. — Наши собрались на лыжах в лес, Борисов сагитировал. Я, конечно, не пошел… Из-за тебя.

Мы с Костей долго гуляли по городу. По его словам, в нашей ссоре виновата Ирка. Она часто приходила к нему и рассказывала обо мне и Борисове, растолковывая все по-своему. Зачем ей это надо было?

— Я всегда говорю, что в дружбе преданности не найти, — закончил Костя свой рассказ, криво усмехнувшись.

Костя часто повторял, что все люди — эгоисты, но они

делятся на признающих это и отрицающих, то есть обманывающих себя и других. Человек ищет общества только приятных людей — разве это не своеобразный эгоизм? Эгоизм — основа дружбы: одним нравится повелевать, другим подчиняться, третьи ищут в дружбе защиту, четвертые — любовь. Я не соглашалась с Костей. Есть разумный эгоизм «новых людей» Чернышевского, а есть черный эгоизм Ларры — персонажа из рассказа Горького. Костя был за Чернышевского и немножечко за Ларру.

Мы с Костей говорили и говорили жадно, перебивая друг друга, часто по началу фразы угадывая все.

— Мне так было… — глядя на меня воспаленными глазами, начинал Костя.

— А мне? — торопилась я уверить его в том, что и мне было невероятно плохо, прямо-таки ужасно, невыносимо тоскливо.

— Давай больше…

— Конечно, никогда. Никогда, да? — чувствуя на глазах слезы радости примирения, говорила я.

Костя чуть улыбался, глаза его были мягкими, и мне было тепло, как весной.

И прямо, и украдкой я смотрела на него, любуясь каждой черточкой лица. Все в нем казалось неповторимым, не таким, как у других.

— Ты с кем танцевал на новогоднем вечере? — вспомнила я о своих мучительных подозрениях.

— Ни с кем. Я быстро ушел. Все было уныло, обещали много интересного, А ничего интересного не было… Скукота одна.

«Вот сегодня я счастлива, — подумалось мне. — Стоило было ломать голову над смыслом жизни? Нина права: главное в жизни — любовь. Только в ней счастье. Я так счастлива, что даже умереть не страшно».

Потом мы стояли у моего подъезда. Давно спустился вечер. Из-за темноты и мороза улица опустела. Слезливо сверкали звезды, а луна расчертила снег густо-синими тенями деревьев.

— Как на другой планете, — радостно вздохнула я и добавила: — Я пойду. Поздно… И холодно.

— Я тебя согрею.

Костя неуклюже обхватил меня за плечи. Это покровительственное объятие было приятно, но смутило меня. Я вдруг почувствовала себя по-детски слабой, но и одновременно сильной. Я была в его власти, а он в моей.

— У меня нос замерз, — сказала я капризно.

Он приблизил ко мне лицо и осторожно коснулся губами лба, носа, затем губ. Под ногами у меня качнулась земля. Его губы

были мягкими, томительными.

— Ну что, согрелась? — его голос звучал насмешливо-ласково.

— Я пойду, — бессильно прошептала я, — поздно.

— Иди.

Он опустил руки и выпрямился.

Я зашла в подъезд, провожаемая его взглядом. Мне не хотелось идти домой. Поднявшись к окну, выглянула во двор. Кости уже не было, но к навесу метнулась чья-то тень, и хлопнула подъездная дверь. Я оглянулась и увидела Борисова. Он перешагивал сразу через три ступеньки и в несколько минут поравнялся со мной. Не глядя на меня, он проскочил половину второго лестничного пролета, но вдруг резко повернулся и спрыгнул ко мне.

— Он же не любит тебя, не любит! — Борисов заговорил зло и глухо, губы его тряслись. — Он только себя… Только себя… Никого, кроме себя! Он же унизил тебя! Оскорбил… Ты ему простила? Такое! Такая красивая, гордая… Как ты могла? Ты?! Ты не можешь… Не смеешь! Ты бы знала… Да меня ожгло, когда я впервые тебя увидел… Трясло, когда с тобой разговаривал! А ты?.. А ты!..

Он жестко схватил меня за плечи и больно затряс. Я испугалась, но вдруг подумала, что он может меня убить, и вцепилась со всей силы в его руки.

— Ты с ума сошел! Псих! Отпусти меня! Не твое дело. Да кто ты такой?

Его глаза сразу потухли. Он разбито пробормотал «дура» и еще что-то. И пошел.

Я, дрожа, нажала на кнопку звонка. Мама тут же открыла. В ее глазах билась тревога.

— Что с тобой, дочка? Ты что так поздно? И что это был за шум?

— Да, идиот один напугал, — сказала я устало, зная, что Борисов слышит.

18
Не включайте чужой магнитофон

В последний день каникул я принялась готовиться к комсомольскому собранию. Меня выбрали комсоргом в прошлом году и в этом, на сентябрьском собрании, решили оставить, дескать, привычная. Но в последнее время я совсем забыла о своих комсомольских обязанностях, точнее, не хотела думать: такими скучными, обременительными, а главное — ненужными казались мне комсомольские дела. Но я боялась, что доброе терпение нашего классного руководителя скоро лопнет, и меня начнут прорабатывать, воспитывать, что было бы слишком неприятно.

Думая о комсомольском собрании, я вспоминала слезы Ларисы Васильевны и решила посвятить заседание разговору о нашей дисциплине.

Устав от этого невеселого занятия, я отправилась к Косте.

— Ты проходи, Шурочка, — как всегда, приветливо заговорила Елизавета Матвеевна. — Костика нет, но он скоро придет. Иди в Костенькину комнату. Не сымай сапожки-то, не сымай. У него ж, ох, как холодно! Балкон всегда открыт. Где такое видано, чтоб зимой — балкон? А слушать ничего не желает… Да, и ковры не пропылесосены…

Она всегда говорила о Косте любовно, словно хвалила.

В комнате была почти зима. Я сняла шапку, а пальто рискнула лишь расстегнуть.

На столе лежало несколько фотоснимков. На них — ели, осыпанные сахаристым снегом. На последней фотографии я увидела Борисова. Он получился очень похожим на Юлию Петровну. Такие же дымчатые грустные глаза, полные губы, редкие веснушки. Лицо мечтателя.

Я взялась перебирать книги. Решив послушать музыку, включила магнитофон и подскочила, услышав Иркин голос.

— Ничего в ней нет хорошего! Вот ни капельки! Ты видел ее ноги?

— Вроде видел, — неуверенно сказал Костин голос.

— Вроде, — передразнила Ирка. — Не видел ты ничего. А ноги — самое главное у девушки. Тебе каждый скажет, что мои ноги красивее и длиннее. Вот посмотри.

— Да видел я твои ноги!

— А ты на Сашкины посмотри. Сходи и посмотри. И сравни.

— Не собираюсь я ничего сравнивать, — в словах Кости

послышалось недовольство.

— А ты сравни. Сравни! И руки тоже, и шею.

— Пусть Сочин сравнивает.

— Он-то давно сравнил!

— А для меня Сашка лучше…

— Чем же она лучше? — Иркин голос обижено задрожал.

— С ней не скучно. И она не вся в руках, как ты, она ускользает. Что ты представляешь собой без тряпок? Мелкая душонка. Ты не журавль. Ты синичка. И учишься хорошо, а путного слова от тебя не услышишь. А Сашка… она, как песня на незнакомом языке.

— Что-что? — в Иркином голосе появилась совершенно непередаваемая язвительная интонация, будто она услышала космическую глупость. — Ты прямо поэт! Но давно известно: когда о девушке не могут сказать «она красива», говорят «она умна» или еще душу приплетут. Так и ты.

— Ну почему? Саша — симпатичная девушка… — это утверждение не прозвучало категорически.

Сердце мое болезненными толчками проваливалось все дальше вниз.

— Симпатичная! А сам не уверен… — значит, и она уловила его интонацию. — Может, Борисова и журавль… который в небе высматривает других, а ты — синичка в ее руках. Она сама передо мной гордилась: все девчонки за Осининым бегают, а он смотрит только на меня. Она не любит тебя, не любит! Видел бы ты, как она Борисову глазки строила. Весь класс за этим наблюдал. Показать ей захотелось, какая она неотразимая, что за ней всякий побежит, стоит поманить… И в тебе уверена. Думает, ты ей простишь.

— Ладно, уйми свое красноречие… подруга, — зло сказал Костин голос. — С Сашкой я кончу. И не из-за твоих напевов. Просто то, что мне передал Сочин, я не смогу забыть… Защитников сразу нашла: болвана и хлюпика. Выставила меня курам на смех с этим доходягой. Такое не прощается. Порву, если смогу… Конечно, смогу. И унизиться ее заставлю. А вообще-то наши… — он споткнулся, помолчал и продолжил: — чувства не перспективны. Не хочу я в будущем такой жены, сложно с ней. Да и невеста не денежная, как мама говорит. А это не самое последнее дело, сама понимаешь, мы люди современные, живем не хлебом единым. Да и какие могут быть серьезные отношения в девятом классе? Даже в десятом. Так, игрушки. Баловство, как мама считает.

— Если б она тебя любила, не ходила бы со всякими Борисовыми. А я тебя люблю, — Иркин голос стал звучать тише и

труднее, с расстановкой, словно она произносила новые для себя слова. — Я и с ней стала дружить, и с Сочиным, чтобы к тебе поближе быть, я тебя давно люблю.

— Ага, помню, ты еще в четвертом классе писала мне идиотские записки, — что было в Костином голосе: насмешка, раздражение, высокомерие? — я не смогла определить.

— Не понимаешь ты ничего, — Ирка сказала это горько-горько.

В ошарашенном состоянии я выключила магнитофон и, как сомнамбула, заходила по комнате. Надо быстрее уйти. Костя должен вот-вот появиться. Я могу встретить его у дверей квартиры, на лестнице в подъезде, на крыльце. Не хочу. Не могу его видеть.

Внезапно я споткнулась о сумку, подаренную мной Косте. Она стояла у дивана, шелковисто отливая стегаными боками. Я тупо посмотрела на нее, потом раздраженно схватила и, дернув молнию, вытряхнула из сумки все, что там было: пакет с джинсами, красивые кроссовки, какой-то сверток. Затем, открыв ящик старинного стола, — я знала, где что лежит в этой комнате — взяла длинную бритву, которой Костя подтачивал карандаши, и крестом полоснула по каждому боку сумки.

Натянула на голову шапку, засунула зачем-то в карман фотографию Борисова и вышла на открытый балкон. Под ним пышными сугробами вздулся газон. Боясь сорваться, я осторожно перелезла через перила и, пытаясь унять занывшее сердце, еще раз посмотрела вниз на высокую снежную перину и прыгнула.

19
Математик на мне ставит крест

Потянулись цепочкой школьные дни. Я старалась заниматься только уроками. Костю избегала. Не пыталась демонстрировать безразличие к нему — мне противна такая игра — но и быть с ним такой, как со всеми, не хватало сил. И прежней оставаться я тоже не могла. Его самоуверенность, улыбочка, позы — все вызывало во мне раздражающую неприязнь. Лишь бы не оказаться рядом с ним, не заговорить, иначе со мной что-нибудь произойдет! Это «что-нибудь» было неопределенно и страшно, как взрыв, как землетрясение. Избегая Кости, я слушалась, прежде всего, чувства самосохранения, подсознательно подозревая возможность нервного срыва или чего-то похуже.

Но к моему удовлетворению, Костя тоже сторонился меня. Лежащая на его столе исполосованная сумка, то, как я покинула его комнату совершенно непонятно для Елизаветы Матвеевны и без единого слова, — все это сказало ему правду. Поэтому он старался ни словом, ни жестом не задевать меня, зная непредсказуемость моего поведения, чувствуя, что я на грани какой-то дикой выходки.

Наверное, из-за напряжения в отношении к Косте, я к Ирке не испытывала ненависти. Это было слишком для моих оголившихся нервов. Ирка просто перестала существовать в моем сердце.

Еще недавно все мои мысли и поступки так или иначе связывались с Костей. Жизнь, несмотря на возникающие сомнения, казалась радужной и нетерпеливо влекущей вперед. Сейчас я вяло подчинялась течению дней, как парусник с порванными парусами, который лениво тащится по водной глади. Все было тусклым, неинтересным, словно мое зрение, как у собаки, стало черно-белым.

Лишь два дела беспокоили меня: вина перед Борисовым и обещание, данное Ларисе Васильевне.

На уроке математики я некстати подняла руку. Математик, прервав свои объяснения, недовольно спросил:

— Борисова, что такое? Вы что-то не поняли?

Я знала, что это довольно сухой человек с закаменевшими убеждениями. Он полагал, что неудачниками и пьяницами становятся непременно те люди, которые не любят точные науки. Ученику, пурхающемуся среди троек и двоек по математическим дисциплинам, Математик прочил всяческие беды, вплоть до смерти под забором. В школе ему давали разные клички: «Игрек»,

«Сухарь» и даже «Сушка», но прилипла к нему одна — «Математик». Его облик, поведение пресекали даже заочную фамильярность.

Ко мне Математик относился хорошо. По алгебре между четверками я изредка получала пятерки, по геометрии считалась сильной, с подсказками он меня не залавливал, все это являлось достаточным основанием считать меня «положительной девочкой».

Я отлично понимала, что сейчас мнение обо мне Математика станет противоположным и уже навсегда, но рванувшись, встала.

— Лев Сергеевич! На контрольной работе в той четверти я передала шпаргалку Виноградову. Списала с тетради Борисова так, что он не видел. Шпаргалка — моя вина, а не его.

— Как вы могли? — растерянно помолчав, недоуменно спросил Математик. — Ведь подсказки — благодатная почва для лени. Разочарован… Глубоко разочарован. Не ожидал от вас такой беспринципности. Я полагал, что вы, Борисова, одна из самых достойных учениц нашей школы… Тем более, подруга Редькиной… Хотя я всегда подозревал, чтобы вы недолюбливаете математику, вот почему ваш характер не назовешь твердым и бескомпромиссным.

— Пушкин тоже не любил математику, — не сдержалась я.

— История не права. Александр Сергеевич Пушкин любил математику, только не имел для нее достаточных способностей. Правда, мое частное мнение такое: у него не было хорошего учителя… Впрочем, исключения только подтверждают правило. Вы, конечно, не исключение. Очень недостойный поступок, Борисова.

Я знала, что на мне отныне им поставлен крест, но была довольна собой. Одно важное дело было сделано.

20
Я больше не комсорг

В классе что-то произошло. Я с удивлением наблюдала, что возле Борисова всегда толпятся ребята. Неожиданно вышла громадная стенгазета «Эти веселые каникулы». В ней фотографии с короткими подписями. Снимки бледные, невыразительные — не Костины — но на них довольные лица моих одноклассников. Вот Антонов прокладывает лыжню, а вот Вера сидит под елкой, и по бокам торчат лыжные палки. Да, интересной была прогулка в лес.

Комсомольское собрание меня поразило. Мы должны были подвести итоги за первое полугодие, обсудить отстающих, утвердить план на второе полугодие. Повестка была привычной. Ребята готовились скучать. А мне хотелось поговорить о дисциплине на уроке географии. Чувствовала я себя, как всегда, уверено.

Первой взяла слово Вера Еременко.

— Надо внести еще один пункт в повестку собрания, — сказала она. — Обсуждение кандидатуры нового комсорга.

— Какой кандидатуры? — удивилась я.

Вера с упреком посмотрела на меня и продолжила:

— Лучше это сделать в начале собрания. Саша Борисова была неплохим комсоргом. Я повторю: была. А сейчас, похоже, ей комсомол, что пустой звук. Надоел ей комсомол, Надоело быть комсоргом. Предлагаю кандидатуру нового комсорга — кандидатуру Александра Борисова. Он всего месяц в нашем коллективе, и мы не успели взвалить на него никакой общественной нагрузки, но он сам организовал две лыжные прогулки подряд. И все остались довольны. Он и подшефных пятиклассников не забыл, а мы привыкли от них отмахиваться. Кроме того, по предложению Борисова комсомольское бюро нашей школы добивается разрешения у райисполкома и райкома ВЛКСМ занять несколько подвальных комнат соседнего дома под молодежный клуб.

Поток слов бесцеремонно прервал Борисов.

— Я не буду комсоргом.

— Почему? — растерялась Вера, неожиданно залившись краской.

— По многим причинам, в том числе, личным, — Борисов говорил хмуро, и оттого казалось, грубо.

— Ли-личным? — опешила Вера и вернулась на свое место.

Я, попробовав улыбнуться, выдавила из себя:

— Конечно, нужен новый комсорг, и лучше, если им будет Еременко.

За Веру проголосовали все, даже Сочин и Ирка.

Я бросила в сумку тетради, дневник и пенал, чтобы уйти, не дожидаясь конца собрания. Знала, что глупо: все поймут, как я обиделась — и все-таки решила исчезнуть.

Вдруг поднялся Антонов и неуверенно начал:

— Предлагаю рассмотреть вопрос о поведении комсомольцев Сочина и Осинина и решить, можно ли им оставаться в рядах комсомола.

— Что за чушь! — вскочил с места Костя. — Что ты болтаешь?! Чем это мы тебе не угодили? Тем, что умнее тебя?

У Антонова уши пунцово засветились.

— Вы дважды организовывали избиение Борисова. Один раз били сами. Хорошо, я оказался недалеко. Второй раз подговорили дружков.

— Докажи! Сказать можно, что угодно. Может, это ты его бил? — скривил губы Костя.

— Вот письмо из милиции. Пришло в бюро комсомола школы, — поспешил поддержать Антонова Агеев. — Здесь сказано, что Сочин Владимир, по кличке «Ферзь», подговорил трех своих друзей из стоящей на учете хулиганской компании унизить и припугнуть Борисова, даже если для этого придется его избить.

— Вранье, — процедил Сочин. — Характеристику хотите нам испортить. А вообще-то… Вообще-то, это она нас уговорила.

— Кто она? — удивленно спросил Агеев.

— Разумеется, Борисова… Кто же еще? Лезет, говорит, пристает, пугните его. Мы — джентльмены, дама просит…

Костя испуганно дернул Сочина за полу пиджака.

— Ну, вы и барахло! — презрительно бросил Антонов. — Можете плести эту лажу, кому угодно, но не мне. Я был там, когда били Борисова, и Сашка там была… И даже защитила…

Я встала, взяла сумку и вышла. Доказывать свою непричастность к драке я не могла, так как для этого мне пришлось бы вступить в разговор, а точнее, в спор с Сочным и Костей, что было просто невозможно.

На меня навалилась страшная апатия: все стало безразличным, и что подумают обо мне ребята, тоже, тем более, когда я перестала быть комсоргом, этот вопрос стал ясен.

Я не дорожила званием комсорга, считала — выбрали козлом отпущения, но переизбрание задело меня. Не могли потерпеть полгода, дождаться очередного перевыборного собрания. Тогда во многих классах появились бы новые комсорги, и никто не

обратил бы внимания на то, что меня заменили. Теперь по школе будут шептаться: «Как, Борисова не комсорг? Давно пора. Зазнайка!» И все «за».

21
Борисов стал ко мне безразличен

Я вдруг стала страшно одинока. Я никого не интересовала, меня никто ни о чем не спрашивал, только отвечали. Я чувствовала вокруг себя пустоту. А ведь это всеобщее отчуждение появилось не сразу, но рядом с Костей и Иркой оно меня не волновало.

Зато Борисов был всегда в окружении ребят. С ним советовались, спорили, что-то доказывали. И для всех он был хорошим парнем, товарищем и другом. Лишь Костя и Сочин насмешливо поглядывали в его сторону, но я знала цену этой насмешки: они завидовали и старались скрыть это от других и себя. На меня Борисов перестал обращать внимания. Я подумала: «Делает вид». Не может же он так сразу разлюбить!

И вправду, Борисов первым подошел ко мне, и я ощутила, как щекам стало жарко.

— Саша, — обратился он, как ни в чем не бывало. — Я слышал, ты хорошо рисуешь. Мы решили выпускать журнал, весь материал уже собран, осталось оформить.

— Что за журнал? — заулыбалась я, довольная, что не ошиблась: он ищет предлога заговорить со мной.

— Разве ты не знаешь? Литературный журнал. Мы назвали его «Мечтатель». В нем будут стихи и рассказы учеников нашей школы, а также лучшие школьные сочинения, чтобы все на них учились.

— Это, наверное, будет скучно.

— Ты так думаешь? — он удивился. — Мы считаем — интересно.

— Кто «мы»?

— Мы? — он пожал плечами, обвел глазами кабинет и сказал: — Все мы. Почти все. Так ты согласна взяться за оформление? Обложка должна быть красочной, выразительной, ну и листы соответственно… Ты не против? Можешь взять любого в помощники.

— Попробую, — согласилась я весело, уверенная, что все еще ему нравлюсь.

Журнал — лишь предлог, чтобы заговорить со мной. Ведь я не единственная в классе, кто умеет рисовать, и даже не лучшая из них.

Вечером я решила зайти к Юлии Петровне за новыми книгами, а заодно поговорить с Борисовым. Юлию Петровну не

застала, а Борисов был не один. Я наткнулась на настороженный взгляд невысокой девушки, скуластой и большеротой, с коротко остриженными волосами. Она сидела прямо на ковре, подобрав под себя ноги, а рядом сидела Леночка с куклой в обнимку.

Борисов подвел меня к незнакомке.

— Знакомьтесь. Аннушка. Саша…

Я подала руку, окинув оценивающим взглядом, и та чуть съежилась.

— Я за книгами, — сказала я Борисову, — но могу зайти позже, — и еще раз свысока посмотрела на Аннушку.

Он перехватил мой взгляд и холодно ответил:

— Выбирай, что тебе надо.

Я подошла к стеллажу, взяла в руки какой-то том, а сама украдкой стала наблюдать за Аннушкой.

Она быстро и весело заговорила с ребенком, видимо, возвращаясь к прерванному занятию, стала показывать ей что-то руками, теребить ее, и петь, и улыбаться. Улыбка удивительно шла Аннушке. На щеках появились трогательные ямочки, и лицо оказалось редкостно милым, каким-то незащищенным, открытым. Леночка счастливо, не отрываясь, смотрела на свою взрослую подругу, и смеялась вместе с ней, и лепетала что-то.

Я повернулась к Борисову. Он стоял у окна и глазами, ставшими прозрачными, смотрел на них, а Аннушка иногда смешливо поглядывала на него и конфузилась.

Угрюмо уткнувшись в книгу, я обнаружила, что держу в руках самодельный альбом, сшитый из журнальных репродукций. Перелистнув несколько страниц, остановилась на «Несении креста» Иеронима Босха.

Безмозглые уроды скалили свои чудовищные лица-маски. Помню, мама, рассказывая о Босхе, говорила что-то об эпохе, кризисе, но я, разглядывая копии его полотен, тогда решила, что художник был просто ненормальным, потому что только сумасшедший мог рисовать такой дикий бред. Но сейчас я поняла, точнее, почувствовала, что Босх бесконечно презирал людей, уравнивая их с животными.

Ощущение лишней себя в комнате исчезло, быстро взглянув на Борисова, я сказала, протягивая альбом:

— Посмотри, какие люди: ублюдки, кретины, скоты. Ничего себе символ человечества, да? Неужели, вправду, человек до смешного ничтожен, но по дурости своей, по недомыслию, считает себя царем природы?

Борисов серьезно посмотрел на открытый лист, перелистнул еще несколько репродукций и сказал:

— Да уж… Здесь человек не царь, а мерзкая тля природы.

— Вот именно! — согласилась я радостно от того, что наши мнения совпали. — Босх показывает человеческую душу слабой и уродливой. И он прав. Разве человек не слаб, поддаваясь зависти, ревности, стремлению к превосходству? Уродство и глупость — наш крест…

Я ощутила себя порочной и слабой, пылью Вселенной. А главное — Босх показал, что все такие… Значит, можно себя простить, а не сдирать с себя семь шкур, чтобы стать совершенством.

Но Борисов стер мое удовлетворение:

— Босх не прав… Я думаю, не стоит разнимать на доли человеческую душу, отыскивая грязные уголки и позорные чувства… Нельзя замыкаться на собственном ничтожестве или ничтожестве окружающих… Если только этим заниматься — ничего хорошего не добиться, лучше уж сразу лечь помирать. Люди все-таки лучше. Разве повернется язык назвать ничтожествами солдат Великой Отечественной? Знаешь, надо верить, что человек прекрасен… Я верю… и стараюсь стать лучше… чем есть, — он жалко улыбнулся, вздохнул и осторожно посмотрел на Аннушку. — Если не стараться стать лучше, со временем можно уподобиться босховским уродам. Очень даже возможно… Знаешь, Босх, наверное, не презирал людей, а предупреждал их: бойтесь! Вы можете стать чудовищами.

Борисов вновь посмотрел на Аннушку. Мне показалось, что он искал в ее глазах отклик на свои слова, а она смотрела на него задумчиво и от того, казалось, загадочно.

Я подошла к Леночке и опустилась на ковер.

— Леночка, какая у тебя кукла красивая, — заговорила я сахарно, — Как ее зовут?

Девочка испуганно прижала к себе игрушку, в ее глазах было явное недоверие.

— Не бойся я ее не возьму. Хочешь, тебе медведя подарю? — спросила я льстиво.

Из моих игрушек сохранился толстый плюшевый медведь, когда-то мною очень любимый. Девочка замотала головой и придвинулась к Аннушке.

— Не могу с детьми разговаривать. Не научилась, — фальшиво рассмеялась я.

— Это дело наживное, — откликнулся Борисов.

Наступило неловкое молчание. Похоже, я была здесь лишней.

— Саша, — нашлась я, — у меня готовы наброски рисунков для журнала. Хочу с тобой посоветоваться.

— Потом, — равнодушно ответил он, — завтра.

У меня упало сердце: я больше ему не нравлюсь. Даже

говорить не хочет. Зачем же он предложил мне рисовать? А, жалко стало отверженную!

У себя в комнате я бросилась на диван и, закинув руки за голову, оцепенело уставилась в потолок.

Никому не нужна. Даже Борисову. Ему как раз менее всего. Раньше я выбирала и отвергала, считая это естественным, гордясь этим правом. А права-то и не было. Каково на своей шкуре испытать, что значит быть отталкиваемой, отвергнутой, ненужной? До чего же горько! Пусто.

Мне ужасно хотелось плакать, но я не могла выжать из себя даже слезинки. Тогда я достала фотографию Борисова и обиженно посмотрела на него. Ничего особенного! Лицо, как лицо. На что он мне сдался? Ведь я его даже видеть не могла! Считала неказистым, смешным. Да и сейчас вижу, что он худой, бледный, нескладный, от чего же мне досадно, что он влюблено смотрит на некрасивую большеротую девчонку?

То ли из-за драки на детской площадке, то ли из-за его странных глаз, то ли еще из-за чего-то, моя враждебность к нему исчезла, я даже не заметила, когда.

Все-таки хорошо, что я взяла у Кости эту фотографию. Здесь видна даже неброская, чуть мелькнувшая в уголках губ добрая улыбка Борисова. Ни у кого я не видела такой скупой, но теплой улыбки. Удивительное лицо! И глаза… Обалденные глаза все понимающего страдающего человека. Мне опять захотелось побежать к нему, чтобы только уловить улыбку, погреться в тепле его взгляда. Но там Аннушка, не на меня, а на нее он будет печально смотреть.

Я больно закусила губу и расплакалась, чувствуя себя вселенски несчастной.

Мама стукнула в дверь и тихо вошла. Я быстро отвернулась к стенке.

— Ты дома? — удивилась она. — Что ж дверь открыла? Звоню, звоню…

Я вдруг всхлипнула.

— Что с тобой? С Костей поссорилась? — спросила она испуганно.

— Причем тут Костя! У вас только Костя на уме, — сказала я с отчаянием.

— Почему у нас? Мне кажется, у тебя.

— Не нужен мне ваш Костя! Мне о нем слышать и то противно! — мое отчаяние перелилось в колючую злость.

— От чего же ты плачешь? — осторожно поинтересовалась мама.

— Меня не любит… Борисов, — я вновь громко всхлипнула.

Мама ничего не понимала.

— Он любил… меня, сел рядом за парту. Го…говорил, что я красивая. А… а сейчас и разговаривать не хочет. На… другую смотрит. Ведь так… нельзя. Если любишь, то навсегда?

— Глупенькая ты моя, — вздохнула мама, — навсегда — это так редко! Да ты сама еще недавно прибегала от Кости сама не своя, А сейчас он тебе без надобности. Знаешь, доченька моя золотая, есть поговорка: «От любви до ненависти один шаг». Да, да, ты ее собой проверила… Зачем же осуждать Борисова? В вашем возрасте это так естественно! От любви до равнодушия еще ближе…

— Мама, а может, пойти к Борисову? Объяснить? Уговорить… — спросила я жалобно.

— Еще чего! Так ты не то что любви не дождешься, но и уважение потеряешь. Вцепись руками в кровать, или в стол, или в шкаф — и никуда. Понятно? Реви, но сиди дома. Да и что ты ему скажешь?

— Что скажу? Скажу: «Прости меня, Борисов. Я вредная и избалованная… Но я постараюсь стать лучше. Можно, я посижу с тобой рядышком?»

Я смотрела в потолок, чувствуя, как слезы текут и текут, словно моросящий дождь по стеклу, и мне было ужасно жаль себя.

Мама вздохнула и тихо вышла. Повсхлипывав еще недолго, я стала успокаиваться.

Я не пойду к Борисову. Тем более, утром увижу его снова. Разве этого мало? И вообще, еще посмотрим, кто будет плакать последним! Нет, я стану доброй. Я буду доброй… А ведь у меня есть отличный предлог, чтобы прийти к Борисову сейчас — плюшевый медведь. Я его пообещала Леночке, а обещания надо выполнять. Нет, утром. Завтра. А сейчас надо взяться за рисунки.

22
Утро вечера мудренее

Услышав шаги на лестничной площадке, я оставила на столе бутерброд и, подхватив сумку, выскочила за дверь. Я не ошиблась: по ступенькам спускался Борисов, держа за руку племянницу.

— Привет, — сказала я, застегивая на ходу пальто и устремляясь за ними.

— Привет, — обернувшись, вскинул он на меня свои прозрачные глаза.

— А я сделала обложку, — радостно сообщила я. — Придем в класс, покажу. Мне кажется, получилось неплохо.

— Я и не сомневаюсь, — улыбнулся он и, угадав, что я собираюсь идти с ним, сказал: — Мы в другую сторону. Мне надо отвести Леночку в ясли. Но я не опоздаю, — он поймал мой вопросительный взгляд.

Борисов успел в класс до начала урока и сразу принялся рассматривать разложенные мною на парте листы с макетом обложки.

— Молодец, — наконец, одобрительно произнес он.

— Ага, — подхватил Антонов. — Здорово! Художницей будешь?

— Мама говорит, из Саши получится хороший журналист. Ей очень понравилось твое сочинение, — обратился ко мне Борисов.

— Это правда? — приятно удивилась я.

— Да. Она так и сказала: Александре надо поступать на журналистику или в литературный институт.

— А куда поступишь ты? — не удержалась я от любопытства.

— Я поеду на БАМ, — ответил Борисов серьезно.

— Ты шутишь или с ума сошел? — спросила я ошарашено. — Хочешь денег заработать?

— Хочу человеку помочь, — просто ответил он.

— Аннушке? — ревниво спросила я.

— Да. У нее дома неблагополучно. Ей надо уехать. Мы поедем вместе.

Прозвенел звонок. Мы по-прежнему сидели с Борисовым за одной партой. Я видела, что он смотрит на меня не так, как прежде, и было ясно, как солнце на чистом небе, что самое большее, на что я могу рассчитывать — это стать его другом.

«Пусть так и будет, — решила я. — Если всеми правдами и неправдами стану добиваться его любви, то чем я лучше Ирины

Редькиной? Я не смогу себя уважать — что тут говорить о других?»

Не удержавшись от осознания вины и потери, я искренне прошептала Борисову:

— Прости меня!

— За что? — удивился он.

— Ты же знаешь…

Он длинно посмотрел на меня и промолчал.

«Я никогда никого не унижу и не оскорблю, — мысленно пообещала я себе. — Бог даст, никого не обману… При чем здесь Бог? Так говорила бабушка…»